

Аверьянов Л.Я.

БЕСЕДЫ С СОКРАТОМ И ПЛАТОНОМ

Об авторе

Аверьянов Л.Я.

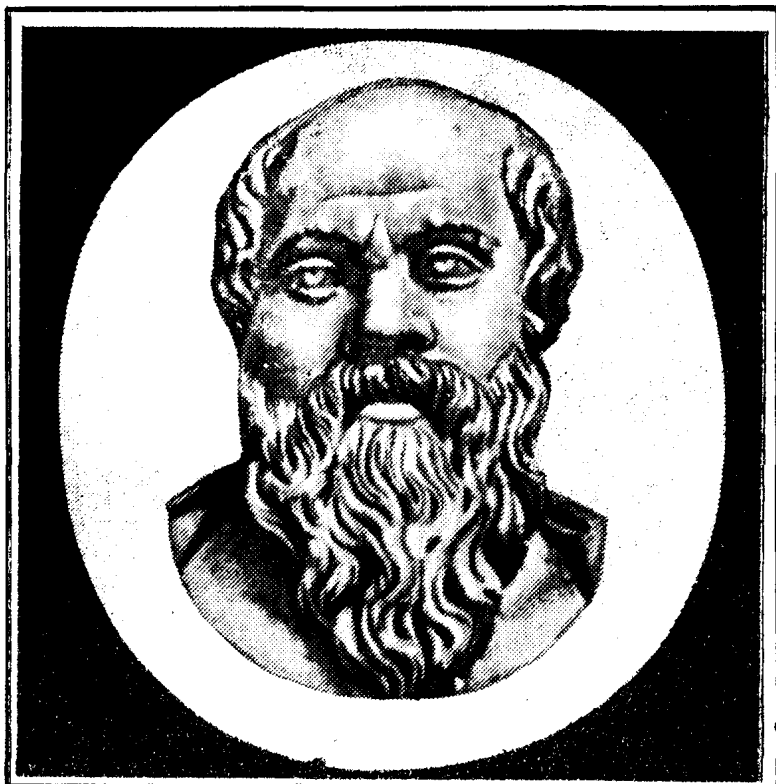
Профессор. Доктор социологических наук. Ректор русского гуманитарного Интернет - университета.

Родился 10 апреля 1944 года. В 1972 году окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1978 году закончил аспирантуру Института социологических исследований АН СССР. Докторскую диссертацию на тему: "Методологические проблемы вопроса в социологии" защитил в 1992 году в Ленинградском государственном университете, на социологическом факультете. Область научных исследований: методология социального познания и методика социологического исследования. Автор 6 книг и более 100 статей. В 2008 г. Европейская Академия Естественных Наук г. Ганновер, оценив вклад в

науку и просвещение, а также, учитывая заслуги в области дистанционного обучения России с использованием Интернет технологий, вручила Леониду Яковлевичу награду "Почетный ученый Европы" и медаль им. Лейбница.

Сайт автора - <http://www.sociolog.narod.ru>

БЕСЕДЫ С СОКРАТОМ И ПЛАТОНОМ

Очень удачное слово подобрал Сократ: «Я только беседую...». Беседа ни к чему не обязывает. Разговор свободно льется, непринужденно перескакивая с одной темы на другую, касаясь самых разных проблем. Каждый волен говорить что хочет и как хочет. Никто не станет обвинять беседующих в том, что они не последовательны в своих рассуждениях и даже пристрастны, не следуют строгой логике вывода и пр. Да и цель не поиск истины, а возможность высказаться и послушать других. Беседа – это жанр обычной разговорной повседневной жизни.

Но для философа беседа приобретает совершенно иное значение. Применительно к Сократу и Платону – это авторская уловка. На самом деле в их беседах с необходимостью наличествует строгая логика рассуждения, которая в обязательном порядке достигает поставленной цели – исподволь, незаметно заставить собеседника

подтвердить их правоту, если собеседник не искушен ни в предмете беседы, ни в логике рассуждения.

Сократа все-таки уличили в такой, мягко скажем, некорректности, и прежде всего по отношению к молодежи. Он приглашал молодых людей к беседе, в ходе которой они невольно становились соучастниками его идей. Но он не доказывал, не исследовал, хотя и говорил «давайте исследуем...», он просто логически подводил их к выводу, который заранее ему и только ему был известен. При этом он часто нарушал логику рассуждения, используя неистинные посылки, ссылаясь на сомнительные факты, например на мнение большинства или авторитет богов.

Однако логический вывод, даже если он основан на истинных посылах, еще не есть окончательная и полностью доказанная истина. В жизни, на практике все может быть по другому. В лучшем случае вывод остается возможно истинным, и его надо еще проверить. Очень часто вывод, доказанный формально-логически, на деле оказывается заблуждением и даже ложью.

Подобное можно обнаружить и у Сократа, и у Платона. Сократ обладал искусством убеждать, которое, заметим попутно, никакого отношения к логике рассуждения не имеет, и представлял свой вывод как истинный. В этом его вина как философа и исследователя, к которым он себя уверенно причислял.

Платон по силе убеждения превзошел Сократа: он писал беседы, т.е. строил их по заранее заданному плану. Сократ в самом деле беседовал, и, поддаваясь специфике жанра, не очень строго строил свои доказательства. Платон выстраивал беседы на бумаге в полном соответствии со своими целями. Поэтому беседы Сократа и беседы Платона совершенно разные произведения.

В пьесе Э. Радзинского Сократ утверждает, что записанная беседа – это умерщвленная мысль, она превращается в догму, принадлежит прошлому и решает совсем другие задачи, а именно те, которые стоят перед теми, кто эту мысль воспроизводит устно или письменно. Мысль высказанная сразу же принадлежит другому, и этот другой может делать с ней что угодно, при этом не спрашивая мнения автора. В лучшем случае сошлется на него и то только для того, что бы силой его авторитета и, заметим, без его согласия подтвердить свою мысль.

Платон решал собственные задачи, описывая смерть Сократа, в частности, в Федоне. Он разбирал политическую ситуацию, высказывал свое отношение и свое место в ней. Он сделал анализ не смерти Сократа и его поведения перед смертью, а самого себя, как если бы он сам находился в положении Сократа или может находиться.

Он проигрывал ситуацию в различных ракурсах и с разными действующими лицами.

К каким же выводам пришел Платон? Они просты. Жизнь прекрасна, и надо жить, стремиться к жизни, ни в коем случае не отказываться от жизни и не провоцировать смерть тем более со стороны власть имущих. И с богами, и с властью надо жить мирно, дружить и воздавать им должное. Правители имеют отношение только к непосредственному бытию, которое может закончиться смертью по их предписанию. К жизни имеет отношение только жизнь, и только ее законам надо подчиняться.

Сократ, его жизнь и смерть всегда занимали философов и писателей. Тема жизни и смерти дает большой простор для размышления и позволяет делать интересные и нередко парадоксальные выводы. Она позволяет выйти на истину, которой подчиняется жизнь.

Немного найдется подобных человеческих историй и к теме Сократа люди будут возвращаться еще много, много раз.¹

ФЕДОН²

Эхекрат. Скажи, Федон, ты сам был подле Сократа в тот день, когда он выпил яд в тюрьме, или только слышал обо всем от кого-нибудь еще?

Федон. Нет, сам, Эхекрат.

Вопрос, сформулированный Эхекратом, по сути определяет характер диалога и основные направления его развития. И в самом деле слышать от кого-то и видеть самому – это различные формы получения информации.

Если отвечающий только слышал о чем-то, то он в обязательном порядке передает чью-то интерпретацию события. Для того чтобы получить его исходную картину, необходимо сначала определить направление и характер интерпретации, что само по себе является сложной работой. Если же непосредственным свидетелем события был человек, хорошо знакомый, т.е. известен характер и направление его интерпретации, то его описание события может быть принято как определяющее в данном диалоге.

Любая интерпретация – это решение какой-то задачи. Другими словами, только осознанная цель и поставленная задача опреде-

---

¹ В этом плане заслуживает внимания пьеса писателя, драматурга, интересного рассказчика Эдварда Радзинского «Беседы с Сократом». Мне показалось, что пьеса дополняет диалог Платона о Сократе, его жизни и смерти, поскольку с вершины времен многое видится иначе. Основная идея Платона – стремление к жизни и истине – получила в пьесе яркое и полное выражение. Далее в сносках приводятся отрывки из нее с небольшими моими комментариями.

² Платон. Соч. В 3 т. Т. 2. М.: «Мысль», 1970.

ляют характер интерпретации того основного факта, который ответствен за решение этих и многих других задач. Интерпретация факта смерти Сократа философами, его друзьями, властями, тюремным привратником и другими участниками события совершенно различна, как будет видно дальше, и только потому, что они решают прежде всего свои и весьма разные задачи.

Получив подтверждение, что Федон был свидетелем смерти Сократа, Эхекрат начал новый цикл вопросов.

Эхекрат. Что же он говорил перед смертью? И как встретил кончину? Очень бы мне хотелось узнать. Ведь за последнее время никто из флиунтцев подолгу в Афинах не бывает, а из тамошних наших друзей, кто бы ни приезжал, ни один ничего достоверного сообщить не может, кроме того только, что Сократ выпил яду и умер. Вот и все их рассказы.

Эхекрат ничего не знает о смерти Сократа и поэтому задает открытый, общий вопрос и даже два, естественно, пытаясь выяснить, что говорил великий философ перед смертью в надежде услышать какое-то откровение, которое наступает только в момент смерти. Понять желание человека узнать, кто обвинил философа³, как его судили, и как наступила смерть. Тем более что она свершилась в присутствии наблюдателя.

Процесс наступления смерти особенно интересен еще и потому, что речь идет о смерти такого известного человека и философа как Сократ. Факт смерти интересен не только сам по себе, но и потому что смерть известного человека в таком относительно небольшом городе, как Афины, безусловно, должна быть связана с ка-

---

³ «МЕЛЕТ. - Это обвинение написал и клятвенно засвидетельствовал Мелет, сын Мелета, пифиец, против Сократа, сына Софроникса, из дома Алопеки! Я обвиняю Сократа в том, что не признает он богов, которых признает город, и что создает он новых богов! Я обвиняю Сократа в том, что развращает он молодежь! И требую наказания – смерти Сократа».

Это обвинение выдвинуто не Мелетом. Выступать против богов – значит выступать против политической власти города; признавать новых богов – значит признавать новых правителей; развращать молодежь (старых уже не развратишь) – значит настраивать их против старых правителей и создавать новую политическую силу.

Эти деяния и в самом деле требуют смертной казни, и правители города поступили вполне мудро и справедливо. Они, а в вместе с ними и все старые жители города, в первую очередь должны опасаться «развращенной» молодежи и новых богов, т.е. новых правителей, новой политической системы и т.д. Новое – это отрицание старого, разрушение прежней системы. Понятие «эволюция» тогда было еще плохо осознанно, и смена парадигм (богов) и концепций (правителей) чаще всего происходила именно методом разрушения, что приносило нередко больше бедствий, чем сохранение старого.

кими-то внутренними или внешними политическими событиями, намек на которые глухо слышится в вопросе Эхекрата.

Об этом, возможно, говорит Эхекрат: «За последнее время никто из флиунтцев подолгу в Афинах не бывает, а из тамошних наших друзей, кто бы ни приезжал, ни один ничего достоверного сообщить не может, кроме того только, что Сократ выпил яду и умер».

Слова «в последнее время» и «подолгу», по всей видимости, свидетельствуют о том, что политическая ситуация во время суда и казни Сократа не была благоприятной для долгого пребывания в Афинах. Удивляет, что тамошние друзья Эхекрата, которые, безусловно, были просвещенными (иначе они не были бы его друзьями, а Эхекрат говорит именно о друзьях, а о не просто знакомых или жителях Афин), наверняка должны были знать многое об обстоятельствах обвинения, суда и смерти известного философа Сократа. Однако они ничего не рассказывают кроме констатации смерти. Они не хотят комментировать этот факт опять же, возможно, в силу беспокойной и сложной политической обстановки. В противном случае Эхекрат об этом просто не упомянул бы так четко и определенно.

Не исключено, что это одна из причин интереса Эхекрата к смерти Сократа, т.е. его интересует не только то, как умирал известный философ, но и тот политический расклад, который привел Сократа к суду и смерти. Если бы ситуация сложилась иначе, был бы иной расклад сил, то, возможно, Сократ не был бы приговорен к смерти. Знание ситуации позволит в определенной мере прогнозировать развитие событий, может быть управлять ими или по крайней мере поможет избежать неприятных последствий, что не удалось Сократу, но что необходимо пытаться сделать другим.

Можно предположить, что в результате стихийных или целенаправленных действий заинтересованных сил в Афинах в это время сложилась сложная политическая ситуация, которая затронула основные политические структуры. Речь идет или об укреплении, или об удержании власти тогдашними правителями, и которые ни перед чем не остановятся, чтобы достичь своей цели, что вольно или невольно привело к гибели одного из виднейших представителей города⁴.

---

⁴ «Ночь в Афинах. В доме Фрасибула, одного из правителей Афин, беседовали Анит и Фрасибул. (Фрасибул стар – иссеченное шрамами лицо воина).

Анит лихорадочно, яростно говорил:

– Мне тоже жаль Сократа. Но каждый день по городу разгуливает этот старец и терзает горожан своими поучениями о недостижимых добродетелях. Ежечасно он подвергает сомнению несомненные истины. Мудрейшие и почтенные афиняне в беседах с ним чувствуют себя глупцами – согласитесь, Фрасибул, это раздражает... Можно, конечно, отнестись к этому с юмором и добродушием. Но юмор и добродушие – удел благополучных времен. Афинский народ сейчас обозлен войной и поражением. Нервы у людей сдают. Кроме того, его влияние на молодежь...- Он остано-

По сути Федон должен был начать отвечать на поставленные вопросы, но он почему-то не отвечает на них, а сам задает вопрос, что воспринимается Эхекратом вполне нормально.

Федон. Так, значит, вы и про суд ничего не знаете, как и что там происходило?

По всей видимости, это связано с тем, что ответы на поставленные вопросы предполагают знание контекста смерти, т.е. всего, что ей предшествовало. Не случайно вопросы начинаются с вопросного оператора: «что» и «как»: «*Что же он говорил перед смертью? И как встретил кончину?*» Это вопросы второго типа, вопросные операторы, которые только указывают на область поиска ответа, для чего требуется знание контекста произошедших событий. Прояснение этой области, содержащий истинный ответ, и есть по сути определение контекста ответа, что и требуется Федону для ответа Эхекрату. Именно поэтому он и задает вопрос, чтобы уточнить, знает ли этот контекст Эхекрат.

Если бы речь шла об обыкновенном человеке, то вряд ли необходим был столь подробный контекст. Но когда умирают боги, философы или вожди и тем более, насильственной смертью, интересно все, что с ними связано.

Эхекрат, возможно, хотел знать, понимал ли Сократ, что с ним происходит – это тоже часть общего контекста. Но Сократ не был бы великим философом, мыслителем, если бы не понимал всего, что с ним случается в данный момент и что должно будет с ним произойти в ближайшее время.⁵

вился. Но Фрасибул молчал, и Анит продолжал свою яростную речь. – Кроме того, можно легко домыслить, что Сократ ставит человеческий разум выше афинских богов. А было бы очень полезно именно сейчас поддерживать наших богов. Защита святых всегда дисциплинирует и поднимает авторитет. А в наше время...»

Положение в городе и в самом деле было не важным, поражение в войне, подорвало авторитет правителей, и они решили его поправить, свалив все беды на кого-то. Обычно все сваливают на военачальников, второстепенных правителей. В данном случае нашли великого мыслителя. Прием известный и всегда срабатывал безошибочно. Люди поверят, что в больших бедах всегда виноваты большие люди, которым они верят и за которыми идут. Так они поверили, что Сократ мудрец и великий философ, так же они поверили, что он во всем виноват, и осудили его на смерть и даже казнили.

⁵ *«СОКРАТ. ...Мне семьдесят лет. Размышления состарили меня, и мне вряд ли ее понять. А ты не огорчал себя мыслями и оттого будешь вечно юн – рассудком по крайней мере. И когда тебе стукнет семьдесят лет, ты грозно спроси у судьбы: «За что?» Ну ладно ступай домой... Да, на прощанье скажи, Продик... старый друг Продик... Кто сообщил Аниту, что я буду сегодня в твоём доме? Или не так: кто попросил моего друга Продика устроить этот пир?»*
ПРОДИК. Сократ! Неужели ты подумал?...

Что же происходило на суде? Ведь это же самое интересное: кто и как судил Сократа, как он держался, что говорил, и что говорили его обвинители, как прошло голосование и пр., и пр. Платон только задал этот вопрос, но не ответил на него, точнее, ответил, но в контексте других вопросов и ответов.

И не случайно то, что говорил Сократ, менее всего соответствовало ожиданиям его обвинителей. Фактически он обвинял их, и Платон не захотел, по всей видимости, привести слова Сократа на суде⁶.

Эхекрат. Нет, об этом-то нам передавали. И мы еще удивлялись, что приговор вынесли давно, а умер он столько времени спустя. Как это получилось, Федон?

Эхекрат говорит, что про суд он ничего не знает, ему только передавали, что совершился суд. Но, оказывается, ему сказали, когда был суд и когда Сократ умер.

По всей видимости, Эхекрат лукавит. Сначала он заявил, что ему ничего не известно, кроме того, что Сократ умер, выпив яд. Но сейчас выясняется, что он знает и о дате суда, и о дате смерти. Но если ему это передали, то, естественно, могли сказать и о причине задержки казни. По крайней мере, вполне логично было бы Эхекра-

---

СОКРАТ. Что ты... Но я хочу, что бы тот же человек сообщил тому же Ани-ту...что Сократ все исследовал и окончательно понял в эту ночь...в эту прекрасную ночь свободы...в эту последнюю ночь свободы...Что же он понял, Сократ? – Он засмеялся. - Что смерть – благо!»

Сократ и в самом деле все понял, и первый его вопрос «за что?». Затем полное согласие с судьбой и оправдание себя, своего смирения с приговором судьбы, что смерть это благо.

⁶ «СОКРАТ. Дельфийский бог назвал меня мудрейшим только за то, что я знаю как мало значит моя мудрость! За то, что я неустанно сомневался – утром, днем, вечером! И оттого я вел беседы с вами! Сократ мечтал, что в результате этих бесед вы наконец-то станете различать главное: стыдно заботиться о выгоде, о почестях, а о разуме и душе забывать. И я надоел вам своими беседами и беспокоил вас сомнениями. Я жил как овод, который все время пристаёт к коню. К красивому, благородному, но уже несколько обленившемуся коню и поэтому особенно нуждающемуся, что бы хоть кто-то его тревожил. Это опасное занятие – беспокоить тучное животное. Ибо конь, однажды проснувшись, может пришибить ударом хвоста надоедливую оводу. Не делайте так афиняне! Я стар, но еще могу послужить вам. А другого овода вы не скоро найдете. Ведь получаю я за эту работу только одну плату – вашу ненависть! Свидетельство тому моя бедность и сегодняшний суд».

Сократ не случайно употребляет слова: «конь», «тучность», «красивый», «благородный». Это обращение к знати, правителям. И именно их он обвиняет в том, что они обленились и заспались. Это он к ним обращается, когда говорит, что их необходимо тревожить. И при этом прекрасно сознает насколько это опасно, и его опасения сбылись. Он обращается к разуму Афинян и правителей – не делайте этого, но его не понимают и не могут понять, иначе суда не было бы.

ту задать этот вопрос своим друзьям и узнать от них причину задержки казни. Ведь ничего секретного и необычного в этом нет. Просто на Делос был послан корабль для священной миссии и как общеизвестно, до его возвращения никого казнить не разрешалось. И все-таки Эхекрат задает вопрос. Так для чего надо было отвлекаться на описание вполне рутинного обычая, который должен быть хорошо известен Эхекрату?

Федон. По чистой случайности, Эхекрат. Вышло так, что как раз накануне приговора афиняне украсили венком корму корабля, который они посылают на Делос.

Эхекрат. А что это за корабль?

Федон. По словам афинян, это тот самый корабль, на котором Тесей некогда повез на Крит знаменитые семь пар. Он и им жизнь спас, и сам остался жив. А афиняне, как гласит предание, дали тогда Аполлону обет: если все спасутся, ежегодно отправлять на Делос священное посольство. С той поры и поныне они неукоснительно, год за годом, соблюдают свой обет. И раз уж снарядили посольство в путь, закон требует, чтобы все время, пока корабль не прибывает на Делос и не возвратится назад, город хранил чистоту и ни один смертный приговор в исполнение не приводился. А плавание иной раз затягивается надолго, если задуют противные ветры. Началом священного посольства считается день, когда жрец Аполлона возложит венок на корму корабля. А это случилось накануне суда — я уже вам сказал. Потому-то и вышло, что Сократ пробыл так долго в тюрьме между приговором и кончиною.

Случай с кораблем, который был отправлен со священной миссией на Делос, также является частью и весьма существенной общего контекста суда и казни Сократа. В этот контекст вполне естественно вписывается общая политическая обстановка в Афинах⁷.

Корабль — это символ жизни, спасение — лейтмотив данного события. Афиняне благодарят бога за свое спасение, отправляя каждый год священное посольство, задача которого только одна — обет жизни, ее сохранение и продолжение. Ежегодное исполнение данного обета есть по сути постоянное воспроизводство в сознании афинян исконных и исходных ценностей, на которых и зиждется данное общество.

---

⁷ «АНИТ. Я никогда не говорил, что Сократа нужно казнить. Я только отмечал, что его надо приговорить к казни и что Сократ не должен жить в Афинах...Великому Фрасибулу еще не известно, что вчера сразу после приговора Сократу я...своей властью...приказал отправить священное посольство в Дельфы. А это значит, как хорошо известно мудрому Фрасибулу, что ни одна капля крови не может пролиться в Афинах, - он усмехнулся, - пока священное посольство не вернется обратно из Дельф. А это значит, что пройдет не меньше месяца, пока сможет состояться казнь Сократа...А это значит, что за этот срок...что-то случится. Например, мне известно, что ученик Сократа Апполодор уже собирает деньги на его побег».

Парадокс, который показывает Платон, заключается в том, что при общем пафосе жизни и славословии одного бога (религиозного) Аполлона они казнят другого бога (светского) Сократа – мудрого и величайшего философа, по их же оценкам. Обет жизни и пафос во имя ее спасения оказались годными только на отсрочку в исполнении приговора. Все это свидетельствует о том, что на самом деле уже никакого осознания ценности жизни у Афинян уже нет, есть только формальное соблюдение некоего обычая, который давно перестал быть священным и не воспринимался в изначальном значении.

Что получается? Некогда некий Тесей чудом спас себя и еще какое-то количество людей. И за это чудо афиняне дали обет богу, что будут чтить его за спасенную жизнь. Можно с полной уверенностью говорить, что это было на самом деле (потому что так случалось нередко), и что афиняне из благодарности дали обет и, возможно, долгое время совершенно искренне соблюдали его. Тем самым они признавали, что жизнь ценна сама по себе, что она дарована богом, и не совместима со смертью ни в каком виде.

Но затем в ходе обыкновенной жизни со всеми ее сложностями божество отступило на второй план и превратилось в обыкновенную формальность. Фактически в формальность превратилось то святое, ради чего и благодаря чему жили афиняне. Жизнь стала принадлежать не богу, а людям, точнее их правителям, распорядиться жизнью стали формальные органы власти. То, что считалось и по сути явилось достоянием демократического афинского общества, стало его концом.

Жить по законам, сотворенным людьми, еще не научились, но уже отказались от законов, сотворенных богом. Последние превратились в атрибут, условность, став орудием в политических актах, инструментом для решения частных задач. Так, отказавшись от одних ценностей и не развив другие, общество оказалось не защищенным от самого себя.

Суд над Сократом и его смерть, так искусно связанная Платоном с обетом жизни, очень красочно показали затухание святынь: ради жизни афиняне отправляли корабль, но в рамках этого жизненного пафоса казнят человека. Не свидетельствует ли этот эпизод, так тщательно выписанный Платоном, о понимании им процесса затухания афинского общества?

Как часто в последующей истории, в том числе Российской, некие святыни, на которых строилось новое общество, превращались в костные рутины, в формальные обычаи и ритуалы. Их исполняли по привычке, уже не вникая в смысл. Умирало то, что ранее было святым, а с ним умирало и общество. То, что называлось и на-

зывается, и считается святынями (в том числе и в религиозной идеологии), являются устоями, на которых зиждется общество. Сократ умер, а с ним умирало и общество, великое общество, которое называлось Афины. Дальше – только дело времени и стечения обстоятельств.

Эпизод с кораблем необходим Платону и для того, чтобы показать, что смерть Сократа была публичной: его судили в рамках общей нравственно-политической парадигмы. Иными словами, в его смерти участвовали не только конкретные люди, но вся общественно-политическая и нравственная система. Применительно к казни великого философа это принимает особый смысл⁸.

Эхекрат. Ну, а какова была сама кончина, Федон? Что он говорил? Как держался? Кто был при нем из близких? Или же власти никого не допустили и он умер в одиночестве?

Федон. Да что ты, с ним были друзья, и даже много друзей.

Эхекрат задал пять вопросов. Но по сути они все являются расшифровкой одного, который он уже задавал ранее: как умер Сократ: «Ну, а какова была сама кончина, Федон?». Этот вопрос он разбил на несколько уточняющих: что говорил, как держался, кто был из близких. Последние необходимы для определения направления ответа.

И в самом деле, ведь вопросный оператор «*какова...?*» может подразумевать различные аспекты ответа. И хотя из контекста разговора в принципе ясно, какого рода информацию хочет получить спрашивающий, тем не менее он решил еще раз уточнить какие от-

---

⁸ «Анит. Я счастлив видеть всех...и особенно тебя, мудрейший из афинян!

Сократ. Неловко называть меня мудрейшим в твоём присутствии, Анит. Моя мудрость - плохенькая, не надёжная. Она как эфир, струящийся между пальцами. Твоя же...

Анит. Я благодарен тебе, щедрый Сократ. И оттого мне особенно горестно сообщить тебе...

Сократ. Это горечь от нежности твоей души, Анит. Но ты умеришь ее, потому, что я уже... знаю твою весть».

Эта весть была провозглашена в доме Продика, богатого афинянина, который и устроил пир по сути в честь Сократа, мудрейшего из афинян, как говорит Анит, кожевник, также не последнее лицо в Афинах. И оба, т.е. Продик и Анит, уже знали о предстоящем суде и по сути о приговоре. Чтобы провозгласить уже вынесенный властями приговор и собирался суд. Перед этим долгое время подготавливалось, формировалось общественное мнение города - осудить величайшего философа, признаваемого в таком качестве всеми влиятельными людьми Афин и большинством жителей и в первую очередь молодежью. Пир устраивался, чтобы отдать должное величайшему философу, попрощаться с ним и отправить на казнь.

веты он хотел бы получить. Понятно, что этими вопросами весь спектр сведений о процессе умирания не исчерпывается. В разговорной речи это никогда и не делается, достаточно указания на некоторые сведения по расшифровке основного вопроса. Спрашивающий тем самым дает понять, какой аспект данного события его интересует.

Эхекрат задал еще один вопрос: кто был из близких, и был ли кто-либо вообще, допустили ли кого власти к Сократу или он умер в одиночестве? Построение этого вопроса так же требует подробного описания. Платон употребляет слова *близкие, власти, никого не допустили, умер в одиночестве*. Данный набор слов, по всей видимости, не был случайным.

Эхекрат, формулируя первый вопрос «кто был из близких», предполагал, как само собой разумеющееся, что кто-то из близких обязательно должен был быть. Он не спросил был ли кто из близких, а сразу же кто из них был. Далее Эхекрат употребил слово не *родственник*, а именно *близкие*, тем самым расширив круг людей, которые должны были присутствовать при его кончине.

Использование того или иного слова можно считать не столь важным в обыденной речи, когда каждый из нас далеко не всегда строг и точен в употреблении тех или иных понятий. Но в данном случае речь идет о литературном произведении, хотя и построенном в жанре обыденного разговора, которое явно приобретает жанр политического анализа.

Следующий вопрос «или же власти никого не пустили», раскрывает подоплеку первого вопроса. Платон дал понять, что родственники, близкие не только могут, но и должны присутствовать при кончине близкого им человека, но тут же он как бы спохватывается и уже сомневается в этом. По всей видимости, запрет на присутствие близких мог быть, что еще раз указывает на ненормальность политической обстановки в Афинах. Употребив выражение *возможно умер в одиночестве*, Платон подчеркивает драматизм событий: политическая обстановка столь напряженная, что власти допустили невозможное – великий человек умер в одиночестве. Как это не раз бывало впоследствии, в частности в России, власти настолько боялись совершенного ими, что никого не допускали к приговоренному и даже хоронили тайно. С философами это происходило, наверное, не в последнюю очередь.

Необходимо отметить, что Эхекрат (Платон) доподлинно знал о всех аспектах смерти Сократа, но ему необходимо так выстроить диалог, чтобы лучшим образом донести до читателя основную

мысль и решить главную задачу: показать, что решение о смерти Сократа было принято всей политической системой общества⁹.

Но из всех вопросов Федон ответил только на последний, видимо, потому, что он является все-таки основным. В дальнейшем Эхекрат и Федон опять вернуться к этому весьма важному обстоятельству: и приговор, и сама смерть были публичными. Тайно готовилось и осуждение Сократа, как бы сейчас сказали, общественным мнением. Именно последнее и сделало казнь публичной, что позволило власти частично снять с себя ответственность и практически полностью перенести ее на общественность: вы этого хотели и вы это получили.

Эхекрат. Тогда расскажи нам, пожалуйста, обо всем как можно подробнее и обстоятельнее. Если, конечно, ты не занят.

Федон. Нет, я совершенно свободен и постараюсь все вам описать. Тем более что для меня нет ничего отраднее, как вспоминать о Сократе, — самому ли о нем говорить, слушать ли чужие рассказы.

Эхекрат. Но и слушатели твои, Федон, в этом тебе не уступят! Так что уж ты постарайся ничего не упустить, будь как можно точнее!

Рассказать обо всем нельзя и тем более подробно и обстоятельно. Когда Эхекрат просит Федона рассказать все и как можно подробнее, то этим самым по сути предлагает ему самому выбрать необходимый и важный аспект происходившего события, установить самое важное, именно с его точки зрения. Другого пути просто нет.

При этом общие рамки, контекст беседы были или установлены ранее, до их встречи как некое общее понимание важности различных аспектов процесса, или же определялись в начале беседы. В данном случае, по всей видимости, имеет место и то, и другое. Поскольку все беседующие были людьми одного времени и одного круга, то общий контекст должен быть им известен. А начало диа-

---

⁹ «АНИТ. Завтра суд, Сократ.

СОКРАТ. Меня обвинил пифиец Мелет, но я не знаю такого.

АНИТ. Мелет обвинил тебя в полдень. После полудня тебя обвинил философ Ликон, «старец, ясный умом». Он требует твоей казни от имени старейших людей города...Но и это еще не все, Сократ. От имени людей дела тебя обвинил...

СОКРАТ. Я понял, Анит.

АНИТ. Тебя обвинил я.»

Сократа обвинили уважаемые люди: сначала по заказу и из тщеславия, обвинил поэт Мелет, затем философ, все-таки видимо потому, что он старый и «ясен умом», т.е. понимает, что надо говорить, когда власти молчат, затем деловые люди. О простом народе ни слова. И как все быстро свершилось, буквально в один день, включая и суд, и приговор. Только казнь затянулась, но это особый разговор.

лога только устанавливает частный контекст, уточняет некоторые общие понятия. Именно так мы и поступаем в каждом конкретном случае в начале беседы.

Поскольку подробный и обстоятельный рассказ требует много времени, Эхекрат и спрашивает, не занят ли Федон. Последний свободен тем более, что ему отрадно вспоминать о Сократе. Начинает он свой рассказ со слов *постараюсь*, но не рассказать, а *описать*. Это различные формы, методы воспроизводства событий и отношения с действительностью. «Рассказать» больше относится к форме рационального восприятия мира и построения отношений с ним и означает построение строгой исчерпывающей логической системы рассуждений со своими посылками и выводами, с определением причин и следствий данного процесса или события.

Описать – значит представить мир в некотором чувственном восприятии, которое не претендует на полноту, но дает эмоционально верное представление о нем. И это единственно правильный подход для того, чтобы иметь полное и подробное представление. *Быть как можно точнее, ничего не упустить* – эта просьба может полностью относиться и к процессу описания события. Только точность и полнота выражаются в данном случае несколько иначе, чем при рациональном подходе к анализу события.

Слово *отрадно* – производное от радости. В данном случае речь идет только о *воспоминании* о том, что видел сам и о воспоминании о рассказах других о том же событии. Отсюда образуются две формы описания события: говорить о событии, являясь его свидетелем, т.е. вспоминать о нем, и вспоминать о том же событии, слушая рассказы других.

Но вспоминать, так же, как и рассказывать – значит интерпретировать события, независимо от того делается это очевидцем или по рассказам других. Разница заключается только в содержании интерпретации, которые могут отличаться, но могут и дополнять друг друга. Тем более, если воспоминания окрашены эмоциональным чувством радости, что также накладывает свой отпечаток.

Федон как бы пытается застраховаться от возможного обвинения в неточности, упоминая об эмоциональном чувстве, которое, как известно, не всегда способствует установлению истины. Поэтому он ссылается на мнения других и сведения, сообщенные ими, могут отличаться от того, что было на самом деле.

Слушателям Федона также радостно, по их словам, вспоминать Сократа. Но они вспоминают разного Сократа: слушатели помнят его таким, каким он был до суда и всех этих роковых событий, а Федон помнит его таким, каким он стал перед смертью. Это могут быть разные люди: Сократ до суда и Сократ после приговора,

перед неотвратимостью смерти. Именно этот, второй Сократ интересуется Эхекрата и других слушателей, поэтому они просят Федона быть как можно точнее.

Немаловажно и другое: Эхекрат и слушатели хотели бы понять со слов Федона, мог ли Сократ предотвратить суд и изменить приговор и самое главное хотел ли этого. Далее будет ясно, что Сократ прекрасно понимал, как развиваются события, а развивались они явно в неблагоприятном для него направлении. Ясно и то, что он не хотел умирать, но не хотел и избежать казни¹⁰. Вот в чем заключался основной парадокс и лейтмотив поведения Сократа на суде и его действия в связи с предстоящей смертью.

Федон. Хорошо. Так вот, сидя подле него, я испытывал удивительное чувство. Я был свидетелем кончины близкого друга, а между тем жалости к нему не ощущал — он казался мне счастливецом, Эхекрат, я видел поступки и слышал речи счастливого человека! До того бесстрашно и благородно он умирал, что у меня даже являлась мысль, будто и в Аид он отходит не без божественного предопределения и там, в Аиде, будет блаженнее, чем кто-либо иной. Вот почему особой жалости я не ощущал — вопреки всем ожиданиям...

Федон начинает отвечать, на вопросы Эхекарта, но не прямо. Вполне согласуясь с принципом контекстуального определения содержания вопроса, сначала даст контекстуальное определение содержания ответов. Фактически Федон начинает описывать общую атмосферу, которая и определяет содержание его ответов на частные вопросы Эхекарта.

Федон выделяет два аспекта в своем ответе: тот, который связан с чувствами, и тот, который касается философских бесед, по сути рациональной части. Это был ответ на вопросы Эхекарта: как держался и что говорил Сократ.

---

¹⁰ «СОКРАТ. Мне хорошо, Ксанטיפпа. Мне сейчас так хорошо! Я рад, что я на тебе женился. Рад, что прожил семьдесят лет. Хорошо! Хорошо — просто идти. Хорошо — никуда не торопиться. Хорошо — сесть посреди дороги, подставив голову ветру. Ксанטיפпа, больше этого никогда не будет.

- Ну что ты, Сократ, - нежно сказала Ксанטיפпа.- Милый, ведь ты самый мудрый. Все так говорят. Вот и Продик так говорит. А он — важный человек. — Она помогла Сократу подняться. Сократ, пусть нам хоть раз в жизни принесет пользу твоя мудрость, Защитись, пожалуйста, завтра в суде. Хорошо? — И она обратилась к Продику: - Ведь нам ни разу его мудрость не приносила пользы! Ни разу! Ни драхмы!.

Ни разу! — удовлетворенно сказал Сократ. — Вперед, Геракл, несущий свет! Ты скоро будешь свободен! Я завещаю Геракл...»

Сократ уже до суда все решил: он будет осужден и примет смерть как казнь афинянами великого философа. Он и в самом деле спровоцировал афинян своими насмешками на свою казнь. Он их всех обманул: они сделали его известным, казнив, а он сделал их известными, приняв казнь. После этого уже более двух тысяч лет люди помнят и Сократа, и афинян, которые его казнили.

Мы бы сказали, что Сократ держался молодцом. Но Федон употребил более сильное выражение: он был счастлив. И дал расшифровку: он умирал благородно и бесстрашно, а главное он был уверен, что божественное предопределение сделает его жизнь в Аиде более блаженной, чем на Земле.

Дело в том, что тот мир всегда воспринимался и философами, и простыми людьми как совершенный, потому что «божественный» равносильно понятию «высший разум» и поэтому лучший. Лучший, естественно, по сравнению с миром, в котором существуют смертные, которым правят не очень разумные люди и который не является совершенным и лучшим. Ощущение, что жить хорошо, проистекает от того, что жизнь воспроизводит жизнь, а если этого не происходит и появляется чувство, что все плохо, то жить плохо. Но как хочется жить в хорошем, совершенном мире, во главе которого стоят умные правители, будь-то человек, бог или кто-то еще. Человек мечтает о совершенном мире и переносит его в потусторонний мир или строит разнообразные земные утопии и даже пытается их воспроизвести на Земле. Редко кому удается построить совершенный мир, разве только в какой-нибудь маленькой лагуне, вдали от несовершенного мира.

Извечное сопоставление этого и того миров. Правители земные даже не замечают, что, поддерживая в общественном сознании и культивируя посредством религии представление о другом мире как лучшем, поскольку там мудрый правитель – бог, они подтверждают, что настоящий мир, не совершенный потому, что они – ни не мудрые правители, а чаще даже и не умные.

Поэтому на общий вопрос: «Какова была сама кончина» Сократа? – Федон ответил однозначно, что с этим было все нормально. Сократ уходил в мир иной, как подобает знающему и умному человеку. Он понимал, что уходит в мир совершенный и лучший и не стремиться к этому было бы грешно.

Это означает, что жить плохо это грех. Уйти из жизни также грех, не грех делать жизнь лучше, устроить ее так же хорошо, как тот воображаемый божественный мир. Но это разные вещи: грех уйти из жизни в поисках лучшего мира, но не грех умереть за этот несовершенный мир, чтобы хоть чуть-чуть сделать его лучше. Сократ благородно и бесстрашно принимает свою смерть не потому, что уходит в совершенный и лучший мир, а потому что актом своей смерти хочет сказать людям, что этот мир несовершенный и подтолкнуть их к поиску совершенного мира на Земле. Не одно поколение философов обсуждало суд над Сократом и его смерть, а точнее, почему он ушел из этого мира.

Таким образом, Сократ не изменился, установление этого факта во многом определило направление и характер последующего диалога¹¹.

Интересна одна деталь. Федон вольно или невольно оправдывается: ведь смерть Сократа частично и на его совести. Сделал ли он что-нибудь для ее предотвращения, мы этого не знаем и никакого указания из текста на этот счет не имеем, но слова, которые употребляет Федон, невольно наводят на мысль, что он не сделал ничего.

Не забудем, что речь идет о великом Сократе, крепком и здоровом человеке, хотя и старом, несправедливо приговоренном к смерти, которая должна наступить через несколько часов. Федон начинает описание события с того, что он испытывал удивительное чувство, наблюдая за Сократом в момент его приготовления к смерти. Он не ощущал жалости, потому что Сократ был счастливецом.

Эти два состояния – готовность к смерти и ощущение счастья – могут быть не связаны между собой. К тому же выглядеть счастливецом и быть таковым тоже разные вещи. Умирать бесстрашно и благородно, это уже совершенно другие состояния, и к чувству жалости по поводу кончины близкого человека они не имеют никакого отношения.

Создается впечатление, что, описывая состояния Сократа, Федон пытается реабилитировать себя в глазах слушателей. Он как бы говорит, смотрите Сократ счастлив, что умирает, поэтому я не очень-то виноват в том, что его несправедливо осудили. Свое состояние Федон и называет удивительным чувством.

По сути Платон обвиняет Федона, приписывая ему ряд очень специфических по своему содержанию слов: чувство *удивительное*, оно все-таки в большей степени относится к спокойному состоянию

---

¹¹ «СОКРАТ. Я удивлен, сограждане. Выпади на тридцать камешков меньше, и я был бы оправдан. Сошлись три мудрых, три смелых обвинителя - и всего тридцать камешков!... Итак, какое наказание я назначил бы себе сам за свои преступления?... За то, что никогда не давал я себе покоя... За то, что всегда шел туда, где мог убедить вас, что нельзя все время заботиться о чинах, о речах в народном собрании, об участии в управлении и заговорах... За то, что призывал вас думать о самих себе, чтобы каждому стать лучше... Что я назначу себе в наказание за такую свою жизнь?... Я кормил бы себя бесплатными обедами, как кормите вы тех, кто побеждает на Олимпийских играх. Поэтому, что те, кто побеждает в состязании колесниц, дают вам мнимое счастье, а я пытался дать подлинное. Они – повара, я врач. Кроме того, они здоровы и не нуждаются в бесплатном питании, а я, увы, уже нуждаюсь!»

И в самом деле насколько не совершенен суд: всего тридцать камешков и человека нет. И только за то, что он сказал им, что они не мудрые, что их мир не совершенен, и что надо делать его лучше. Их мир не совершенен, потому что они не хотят думать, искать, стремиться, желать, наконец, делать. Они не мудрые, потому что хотят жить сиюминутными удовольствиями и покорно пошли за мудрыми обвинителями. Всего тридцать камешков...

и не связано со смертью. *Не испытываю жалости* к близкому другу — сказано очень сильно. Федон мог бы подобрать и иное слово. Складывается впечатление, что он счастлив, что так бесстрашно и благородно умирает Сократ. Бесстрашно и поэтому не требует никакого участия и успокоения. Благородно, потому что никого не обвиняет в своей смерти, в том числе и Федона. И последнее оправдание. Сократ уходит в силу божественного предопределения: что же, так захотел бог, а я здесь ни при чем, Сократу будет там хорошо и т.д.

Возможно, этим Платон подводит к мысли, что Сократа предали все, в том числе и близкие друзья, и продолжали предавать даже на пороге смерти. На суде Сократ беспощадно высказал им все и показал, что они на самом деле из себя представляют¹². А Федон продолжал:

— но вместе с тем философская беседа (а именно такого свойства шли у нас разговоры) не доставила мне привычного удовольствия. Это было какое-то совершенно небывалое чувство, какое-то странное смешение удовольствия и скорби — при мысли, что он вот-вот должен умереть. И все, кто собрался в тюрьме, были почти в таком же расположении духа и то смеялись, то плакали, в особенности один из нас — Аполлодор. Ты, верно, знаешь этого человека и его нрав.

Эхекрат. Как не знать!

Федон. Он совершенно потерял голову, но и сам я был расстроен, да и все остальные тоже.

Трудно заниматься философствованием на пороге смерти и уж тем более получать от этого удовольствие и слушателям, и самому Сократу, хотя вроде бы все только тем и занимаются, но скорбь окрашивает беседу в совершенно иные тона. Рождается небывалое чувство: радость умирающего, беседы на отвлеченные темы и понимание того, что это последние часы жизни великого человека, находящегося в здравии и не потерявшего бодрости духа.

Невольно слушатели начинают понимать, что все это скоро бесследно исчезнет, что бы ни говорили о вечности философии и бренности существования. Это по сути отказ от мысли Сократа, что смерть для философа ничто. Смерть уносит не только брэнное тело,

---

¹² « СОКРАТ. Мне хотелось бы, что бы вы, беседовавшие со мной, рассказали впоследствии, что я был осужден не потому, что мне не хватило доводов на суде. Доводы мои не слушали. Вместо них сограждане ждали только покаяния. Ждали, что бы я отрекся от себя, словом, сказал все, что привыкли здесь слушать от других».

От него ждали, что бы он сказал глупым людям, что он глупее и хуже их, а они мудрые, и только потому, что судят его. Но именно этого и не хочет говорить Сократ. Чтобы сделать их мудрыми, он должен был сказать, что они глупые, но они этого не захотели услышать.

против которого так настойчиво и убедительно восставал Сократ, но и душу, т.е. то, что составляет сущность философа. Да, смерть для философа ничто, пока тело существует, и оказывается все, когда тело умирает.

Получив в принципе исчерпывающий по своей общности ответ на первую часть вопроса, Эхекрат возвращается ко второй его части, но просит уже детального ответа.

Эхекрат. Кто же там был вместе с тобою, Федон?

Федон. Из тамошних граждан — этот самый Аполлодор, Критобул с отцом, потом Гермоген, Эпигей, Эсхин, Антисфен. Был и пэзаниец Ктесипп, Менексен и еще кое-кто из местных. Платон, по-моему, был нездоров¹³.

Эхекрат. А из иноземцев кто-нибудь был?

Федон. Да, фиванец Симмий, Кебет, Федонд, а из Мегар Эвклид и Терпсион.

Эхекрат. А что же Клеомброт и Аристипп?

Федон. Их и не могло быть! Говорят, они были на Эгине в ту пору.

Эхекрат. И больше никого не было?

Федон. Кажется, больше никого.

Интересно, почему перечисляется так много имен. Наверное, все они принадлежат к элите Афинского общества. Более того, речь идет, по всей видимости, и об известных иностранцах. Скорее всего это связано с тем, чтобы еще раз подчеркнуть, что и суд, и подготовка к смерти, и сама смерть были публичными.

Эхекрат. Так, так, дальше! О чем же, ты говоришь, была у вас беседа?

Федон. Постараюсь пересказать тебе все с самого начала.

---

¹³ Необходимо отметить, что Платон вывел диалог о казни Сократа за Афины и более того, как бы самоустранился, как очевидец событий. Иными словами, он был там во время суда и казни Сократа, но не присутствовал при его кончине по причине вроде бы болезни. Это пишет сам Платон и, видимо, о самом себе. Если только речь не идет о другом каком-то Платоне, что вряд ли. Круг философов в Афинах без сомнения был узок и два Платона философа однофамильцы вряд ли могли быть. Именно этим, по всей видимости, были продиктованы вопросы о том, видел ли или слышал ли Федон, как проходили последние дни и часы перед смертью Сократа и пр. Все это должно свидетельствовать, что диалог происходит между людьми, которые как бы находятся вне политической обстановки, и их разговор продиктован простым любопытством. Однако, судя по содержанию диалога, это совсем не так. Платон довольно определенно говорит о причинах казни Сократа и политической обстановке.

Устранившись, как очевидец, и переложив диалог и обсуждение смерти Сократа в уста других людей, и выведя беседу за пределы Афин, Платон в определенном смысле развязал себе руки и мог свободно или почти свободно говорить об истинных причинах казни и политической обстановке, сложившейся до и после смерти Сократа. Поэтому мы с большим основанием можем утверждать, что настоящее произведение Платона носит прежде всего политический характер.

Но Федон опять не отвечает на поставленный вопрос или, точнее, отвечает, но не на тот, который явно сформулирован, а на тот, который имеется в контексте. Это означает, что прежде чем рассказать о сути беседы необходимо обрисовать обстановку, в которой она проходила, чтобы понять, что определило диалог.

Мы и до того — и я, и остальные — каждый день непременно навещали Сократа, встречаясь ранним утром подле суда, где слушалось его дело: суд стоит неподалеку от тюрьмы. Всякий раз мы коротали время за разговором, ожидая, пока отпрут тюремные двери. Отпирались они не так уж рано, когда же наконец отпирались, мы входили к Сократу и большую часть проводили с ним целый день. В то утро мы собрались раньше обыкновенного: накануне вечером, уходя из тюрьмы, мы узнали, что корабль возвратился с Делоса. Вот мы и условились сойтись в обычном месте как можно раньше. Приходим мы к тюрьме, появляется привратник, который всегда нам отворял, и велит подождать и не входить, пока он сам не позовет.

Федон передал массу информации. Не один, а несколько человек навещали Сократа. Встречались они рано утром, коротали время за разговором и с Сократом проводили весь день. Но самое главное, что определяло важность, значение беседы — это последний день перед казнью¹⁴.

— Одиннадцать,— сказал он,— снимают оковы с Сократа и отдают распоряжения насчет казни. Казнить будут сегодня.

Спустя немного он появился снова и велел нам войти.

Мы увидели Сократа, которого только что расковали, рядом сидела Ксантиппа — ты ведь ее знаешь — с ребенком на руках.

Увидев нас, Ксантиппа заголосила, запричитала, по женской привычке, и промолвила так:

— Ох, Сократ, нынче в последний раз беседуешь ты с друзьями, а друзья — с тобою.

— Тогда Сократ взглянул на Критона и сказал:

---

¹⁴ «ПРОДИК. Ну что ж, я верю тебе, ты всегда был хозяином своего слова...Итак, я считался твоим другом, Сократ, но я всегда ненавидел тебя!
СОКРАТ. Ну что ж тут нового, Продик! Разве не известно, что больше всех нас ненавидят те, кто считается нашими друзьями!.. Но не печалься. Постарайся объяснить мне, за что ты меня ненавидел. Может быть, здесь мы почерпнем с тобой нечто новое и неизвестное?»

Начинается второй акт драмы.. Окружение Сократа теперь волнует уже не он сам, с ним все решено, а их собственная судьба: как она сложится после смерти Сократа. Все начинают извиняться и выгораживать себя. Никто не хочет нести бремя вины за смерть Сократа ни перед будущими обвинителями, ни перед собой. Продик, выгораживая себя, заявляет, что совершенный акт предательства якобы вызван тем, что он на самом деле ненавидел Сократа. Это веский мотив, но только мотив и, видимо, выдуманный на ходу, возникший спонтанно, от безысходности.

- Критон, пусть кто-нибудь уведет ее домой.
- И люди Критона повели ее, а она кричала и била себя в грудь.

Федон, описывая обстановку, воспроизводит массу деталей. Это и понятно: перед казнью дорогого человека стараются запомнить все детали, все то, на что раньше, в обыденной обстановке не обратили бы внимания. Каждая мелочь приобретает особое значение и особое звучание. Особый смысл соответственно содержит и беседа.

Сократ сел на кровать, подогнул под себя ногу и потер ее рукой. Не переставая растирать ногу, он сказал:

— Что за странная это вещь, друзья, — то, что люди зовут «приятным»! И как удивительно, на мой взгляд, относится оно к тому, что принято считать его противоположностью, — к мучительному! Вместе разом они в человеке не уживаются, но, если кто гонится за одним и его настигает, он чуть ли не против воли получает и второе: они словно срослись в одной вершине. Мне кажется, — продолжал он, — что, если бы над этим поразмыслил Эзоп, он сочинил бы басню о том, как бог, желая их примирить, не смог, однако ж, положить конец их вражде и тогда соединил их головами. Вот почему как появится одно — следом спешит и другое. Так и со мной: прежде ноге было больно от оков, а теперь — вслед за тем — приятно.

Странно все-таки: в момент приготовления к смерти рассуждать о приятном, и вряд ли здесь происходит обыкновенная философская беседа на отвлеченные темы, которые вдруг заинтересовали праздный ум. Как не бодрись, но момент смерти, как момент истины, не безразличен¹⁵ даже философу и определяет содержание раз-

---

¹⁵ «ПРОДИК. Ступай под землю! Рогатый старик! Смерть в тебе!

СОКРАТ. А что в результате, Продик? За эту смерть они завтра восславят меня и будут ставить мне памятники и поклоняться моей роже, которой пугали детей кормилицы!

- Ты... нарочно? Опять?! – в ужасе шептал Продик.

СОКРАТ. Ну что ж ты стоишь? Ты мечтал о славе. Я открываю тебе, как ее достигнуть. Последний твой шанс, Продик: беги и сделай нарочно, чтобы они тоже несправедливо убили тебя!»

Э. Радзинский – великий драматург. В нескольких точных выражениях он показал истинную причину смерти Сократа. «Смерть в тебе» – восклицает Продик. Это не только самооправдание в предательстве Сократа (коль смерть в тебе, я не могу быть виновным, сделал только то, что должно было свершиться).

Смерть и в самом деле находилась в Сократе. Это не значит, что он хотел умереть, хотя, как любой старый человек, он, безусловно, готовил себя к смерти, смирялся с ней как с неизбежностью. Но здесь глубже. Сократ эту неизбежность направил на то, чтобы достичь того, к чему осознанно или не осознанно стремился всю жизнь. Афиняне почитали его не за то, что он был уродлив и беден, и не выпускал своих книг, а за то, что имел от рождения данное

говора. Не случайно же Эхекрат так настойчиво интересовался, что же говорил Сократ перед смертью.

Приятное и мучительное - две стихии, которые борются в Сократе в данный момент. *Мучительное* (какое емкое слово, наилучшим способом характеризующее момент смерти. Сократ мог употребить слово *неприятное*, что наверняка и сделал бы в иной обстановке) – это наступающий момент смерти, но не сама смерть, *приятное* – все то, что ей предшествовало и что ее окружает, беседа с друзьями и занятие любимым делом – рассуждать и искать истину.

Само по себе приятное не является странной вещью. Таковой оно становится только исключительно в сопоставлении с мучительным. Вообще-то мучительное не есть противоположность приятному. Это две разные области бытия и чувства, которые никак не пересекаются, не обуславливают друг друга, поскольку принадлежат к различным слоям жизни. Сократ так и говорит: вместе они не уживаются. И не могут ужиться, поскольку в одно время, в одном месте возможно испытать только одно из этих ощущений.

Но Сократ говорит: гнаться за приятным не то же самое, что иметь приятное. Последнее можно иметь, и не стремясь к нему, и не гоняясь за ним. Вообще-то гнаться и достигать есть неприятный процесс и прежде всего своей неопределенностью: всегда сохраняется большая или меньшая доля вероятности, что так называемое приятное можно и не достичь, несмотря на затраченные и нередко весьма значительные усилия. А достигнув заветной цели, чувство приятного можно и не испытать.

Рассуждение Сократа, безусловно, окрашено моментом приближения смерти; оковы выступают в качестве символа и многое становится понятным в данном рассуждении, вроде бы касающемся отвлеченных тем. Явное присутствие момента смерти (наличие оков) всегда мучительно, в том числе и для Сократа, что он вольно или не вольно и продемонстрировал. Но наступил час беседы с друзьями, смерть отошла на второй план (оковы сняты) и появилось нечто приятное. Нет, не ноге, а всему существу философа.

Тут Кебет перебил его:

— Клянусь Зевсом, Сократ, хорошо, что ты мне напомнил! Меня уже несколько человек спрашивали насчет стихов, которые ты здесь сочинил, — переложении Эзоповых притч и гимна в честь Аполлона, — и, между прочим, Эвен

богом нечто, что привлекало к нему людей как к философу. И он хотел закрепить это почитание и после своей смерти. Поэтому не случайно он употребляет такие слова: «восславят», «будут ставить памятники», «поклоняться».

Да, именно этого он и хотел. Несправедливость вообще, а тем более несправедливая и насильственная смерть в сочетании с талантом, придала новый импульс его почитанию. Он этого хотел, он этого добился.

недавно дивился, почему это, попавши сюда, ты вдруг взялся за стихи: ведь раньше ты никогда их не писал. И если тебе не все равно, как я отвечу Эвену, когда он в следующий раз об этом спросит — а он непременно спросит! — научи, что мне сказать.

Друзья Сократа почему-то не подхватили, как обычно, тезис, высказанный им, и не стали его активно обсуждать. Они перешли к совершенно иной теме, заговорили о стихах, о которых ранее Сократ ни разу не упоминал. В обыденном разговоре так часто бывает: собеседники в силу разных причин перескакивают с одной темы на другую. И с точки зрения бытового описания, такая компоновка смотрится очень хорошо.

Пришли друзья, и Сократ поделился с ним некоторыми неприципиальными мыслями, просто интересным наблюдением, но не имеющим большого интереса и значения для окружающих. В том числе и для самого Сократа. Это как бы необходимое вступление в разговор и переход к более важным темам. Именно так мы и поступаем чаще всего в обыденной жизни, вступая в диалог.

Но в данном случае мы имеем дело с написанным диалогом и скорее всего продуманным сочинением. Такой резкий переход зачем-то был нужен автору. Платон не был бы философом, если бы ограничился только бытописанием. Если внимательно прочитать текст, то можно ясно увидеть, что такой переход по драматургии данного произведения и в самом деле необходим.

Речь на протяжении всей беседы крутится вокруг одного и того же, а именно вокруг жизни и смерти, но в разных вариациях. Они обсуждают вроде бы с разных точек зрения, что вполне естественно. Ситуация такова, что как бы Сократ не относился к смерти, но когда речь идет о собственной смерти, не может быть безразличен. Это только об отвлеченной смерти сам факт ее можно спокойно рассуждать. Здесь же постоянно идет мучительная борьба: признать ли смерть как необходимость и смириться с ней или же все-таки воспротивиться ей, признать ее как неизбежное зло¹⁶.

---

¹⁶ «СОКРАТ. Я лежал в бреду и глядел в потолок. Тени ходили по нему, мне казалось, что это облака, что я лежу у самого неба. Я не узнал свою ладонь, она была похожа на срез дерева. А потом сознание вернулось, и однажды под утро я проснулся весь в поту... Я лежал мокрый, без сил, но почему-то сразу понял: выздоровел! И заплакал, так мне вдруг стало хорошо. Я понял, что впереди у меня день... День жизни. И я был счастлив и чувствовал любовь ко всему... любовь...»

Чтобы хотелось жить надо умереть. И как только Сократ почувствовал дыхание реальной смерти, ему тут же страстно захотелось жить. Настолько захотелось жить, что он был счастлив, что у него есть еще целый день жизни.

И в самом общем виде: все-таки, что же лучше жить или умереть, что предпочтительнее жить в несовершенном мире или уйти в мир иной. Можно и нужно ли противопоставлять жизнь и смерть, являются ли они альтернативами, и в конечном счете, что такое совершенный мир, и в чем заключается его несовершенство.

Хотя Сократ постоянно и твердит, что умереть не страшно, что это даже удовольствие, на самом деле это не совсем так. Оказывается, что нормальная позиция – жить, а ненормальная, неприемлемая позиция – умереть¹⁷.

От игры в смерть он перешел в своем сознании к настоящей смерти, от голого расчета к чувственному непосредственному восприятию жизни, смысл которого только жизнь и где смерть не существует. В чувственном мире нет дилеммы жизнь или умереть, нет ничего, кроме жизни.

¹⁷ «СОКРАТ. Жить!.. Жить!.. С каждым мгновением возвращались мои силы, и я уже мог ходить. Это оказалось счастьем – просто ходить. И тут я понял, что многого не знал раньше... Раньше я был горд, уважаем, здоров. У меня были дети, дом, жена. А вся моя нищета была попросту выдумка, я в нее играл: ведь я мог всегда заработать много, если бы хотел. Оказывается, нужно было потерять все: дом, детей, семью, здоровье, стать беззащитным перед смертью, как затравленный зверь; нужно было, чтобы сознание погрузилось во тьму и проснулось однажды утром вместе с солнцем; нужно было, чтобы я лежал бессильный, в поту и во мне уже ничего не было, кроме благодарной радости – жить, жить... - все это нужно было, чтобы я вдруг понял... Пойми и ты. Я часто говорил, что зло – это отсутствие просвещения и что все в жизни можно исследовать разумом. Это не так. Я понял в тюрьме, то, что не смог додумать тогда, в лагере под Потидеей. Любовь... Любить всех. Понять, что другой – это ты... И любить его... Если есть в тебе это, только тогда разум сможет подсказать истину... И я никогда не был счастлив так, как в этот миг, когда почувствовал эту любовь в себе. И оттого мне так хочется жить сейчас. И немало из того, что я утверждал прежде, перестало мне казаться истиной... Что ты так смотришь?»

Фактически здесь Сократ отрицает все, к чему стремился, чем жил и чему учил других – рациональное отношение к миру, в котором существует не только жизнь, но и смерть, и даже отношение к ним, о чем так любили (и любят по настоящее время) порассуждать философы вдали от реальной смерти.

Жизнь и смерть оказались настолько разными мирами, что они представляли разные истины. Сократ говорит, что только сейчас он понял истину, ту истину, которая находится в чувственном мире, и фактически отказал в праве на существование той истине, которая находится в рациональном мире.

Вряд ли их можно разделять, поскольку они и в самом деле описывают разные формы бытия. Но только бытия. Осознание этого и привело Сократа к пониманию, что существует только бытие. Именно бытие и есть истина, а не смерть, к которой стремился Сократ, чтобы увековечить свое рациональное. Ложность позиции Сократа заключалась в том, что он принял смерть за бытие, точнее, за продолжение бытия в иной форме.

И дело не в том, что потусторонний мир совершенный, а земной несовершенный, а в том, что они разные, и только к одному из них, к тому, в котором человек живет, он имеет самое непосредственное отношение, и только в этом мире он может жить и философствовать. Другому миру он не принадлежит и не может принадлежать, для него он не существует и не может существовать, а значит, человек не может существовать в потустороннем мире. Отсюда логический вывод, что потустороннего мира не существует¹⁸.

Так почему же был совершен резкий переход от одной темы к другой? А перехода по сути не было. Ведь приятное и мучительное, о чем начал рассуждать Сократ, по сути рассматриваются как наиболее общие категории, близкие к категориям жизни и смерти. Не случайно в разговоре постоянно фигурируют оковы, снятые и наде-тые.

В этом плане стихи, которые вроде бы начал писать Сократ, есть по сути выражение высшего отношения к жизни. Занятие поэзией всегда считалась у греков высшим искусством и пафосом жизни. Гимн в честь Аполлона – бога любви, который Сократ сочинил в тюрьме, тем более, что раньше он никогда не писал стихов, можно с большой уверенностью квалифицировать как стремление к возвышенному, к жизни.

Согласно Диогену Лаэртию, стихи Сократа звучали примерно так:

*Поклон Апполону и Артемиде священным,
Брату поклон и сестре!*¹⁹

— Скажи ему правду, Кебет, — промолвил Сократ, — что я не хотел соперничать с ним или с его искусством — это было бы нелегко, я вполне понимаю, — но просто пытался, чтобы очиститься, проверить значение некоторых моих сновидений: не этим ли видом искусства они так часто повелевали мне заниматься. Сейчас я тебе о них расскажу.

---

¹⁸ «ПЕРВЫЙ. Тебе действительно хочется жить?»

СОКРАТ. Да! Да!

ПЕРВЫЙ. А я отчего-то думал, что ты хочешь умереть...

СОКРАТ. Живое не может хотеть умереть. Живое может лишь достойно принять смерть.»

И в самом деле, истина именно в этом выражении: живое не может и не должно стремиться к смерти, но принять ее достойно оно обязано. Именно эта фраза, данное понимание жизни и смерти и определило дальнейшие действия Сократа, когда он отказался совершить побег. Но это уже не раздумья о смерти и жизни, а решение живого человека, думающего только о живом, ибо позор за его недостойное принятие смерти, падет с неизбежностью на все живое, все что останется после него.

¹⁹ Цит. по: Нерсесянц В.С. Сократ. М.: Из-во Наука, 1984. С. 114.

И в самом деле, Сократ не соперничает с поэтом в искусстве стихосложения, не в этом его задача. Наверное, он никогда и не стал бы писать стихов, но ему надо очиститься, проверить себя (ведь сновидения – это часть жизни), и свое отношение к жизни посредством стихов. Сочинение стихов – это демонстрация жизнеутверждающего принципа.

Сократ хочет проверить себя: не этому ли принципу, т.е. жизни утверждению, он должен следовать? Он ссылается на какие-то силы, которые повелевают ему писать стихи. Упоминание о повелевающих силах – своеобразный способ снять с себя ответственность за решение, которое по сути противоречит ранее провозглашенному им как философом принципу.

Как хорошо начинает свой ответ Сократ:

– Скажи ему правду, Кебет.

Но какую правду? Что он не хотел с ним соперничать? Это и так понятно. А правда заключается в том, что он хочет жить и любит эту жизнь. Но он почти не борется за нее, откровенно провоцирует суд и сознательно идет на казнь²⁰. И дело, по всей видимости, в том, что он не хочет потерять великий шанс, данный ему природой, богами и народом Афин, сделаться бессмертным.

Сократ рассказывает:

---

²⁰ «СОКРАТ. Мне жаль вас, афиняне. Теперь о вас пойдет дурная слава. Люди, склонные поносить наш город, а их немало, ибо Афины — город великий, эти люди получают право кричать на всех перекрестках, что вы убили старого мудреца. Они даже добавят: великого старого мудреца, чтобы еще больше вам досадить. Все неразумно: если я вам уж так докучал, вы хоть немножко набрались бы терпения, хоть чуточку подождали, и все случилось бы само собой — ведь вы знаете мой возраст, нетерпеливые сограждане!»

«Мне жаль вас, афиняне» - восклицает Сократ. Но какое это уже имеет значение? Они воспользовались своим правом судить, правом, данным им в том числе и Сократом. А значит в их неверном решении виноват и сам Сократ. Какой смысл теперь им говорить, что о них пойдет дурная слава? Может пойдет, а может и нет. Какой смысл говорить, что они убили мудреца? А кто сказал, что он мудрец? Может быть о нем завтра и забудут. Это все слова, слова... Зачем их говорить, может быть только для того, чтобы доказать, какой он, Сократ, умный и все понимает... Тогда зачем он довел афинян до столь трагичного для них самих же решения? Может быть потому, что именно это решение и нужно было Сократу, а все остальное, в том числе и то, что подумают об афинянах, как о них будут отзываться, и дурная молва, его уже не беспокоили... Тогда впору сказать «мне жаль тебя Сократ», поскольку его нравственные нормы в свете его личных интересов уже ничего не стоят.

Но как просто обвинить тех или других. А правда в том, что в данном эпизоде смешались трагичным образом и личные, и общественные интересы всех участников события.

В течение жизни мне много раз являлся один и тот же сон. Правда, видел я не всегда одно и то же, но слова слышал всегда одинаковые: «Сократ, твори и трудись на поприще Муз». В прежнее время я считал это призывом и советом делать то, что я и делал. Как зрители подбадривают бегунов, так, думал я, и это сновидение внушает мне продолжать мое дело — творить на поприще Муз, ибо высочайшее из искусств — это философия, а ею-то я и занимался. Но теперь, после суда, когда празднество в честь бога отсрочило мой конец, я решил, что, быть может, сновидение приказывало мне заняться обычным искусством, и надо не противиться его голосу, но подчиниться: ведь надежнее будет повиноваться сну и не уходить, прежде чем не очистишься поэтическим творчеством. И вот первым делом я сочинил песнь в честь того бога, чей праздник тогда справляли, а почтив бога, я понял, что поэт — если только он хочет быть, настоящим поэтом — должен творить мифы, а не рассуждения. Сам же я даром воображения не владею, вот я и взял то, что было мне всего доступнее. — Эзоповы басни. Я знал их наизусть и первые же, какие пришли мне на память, переложил стихами.

Какой бы сон ни приснился, Сократ интерпретировал его в соответствии со своими устремлениями. Он был призван для философии, и поэтому ему снился один и тот же сон: Сократ, твори и трудись на поприще Муз. То, что он сделал, он почитал высочайшим искусством, искренне и с большим чувством отдавался своему любимому и любимому богами делу — занятию философией.

А что же изменилось теперь, после суда? Почему он понял, что на самом деле он должен заниматься стихами — другим искусством? При этом и речи не идет о том, чтобы заменить философию стихосложением. Просто он несколько иначе стал интерпретировать свой сон. А ведь интерпретация есть ответ, попытка решить возникшую проблему.

Сократ повторяет: очиститься поэтическим творчеством. С первого взгляда вроде не очень понятно, почему очиститься необходимо именно поэтическим творчеством, а, например, не философией, которая также является высочайшим искусством. Но дальше он говорит, что настоящий поэт должен прежде всего творить мифы. Сочинять мифы означает рассказывать о жизни, не рассуждать, т.е. не исследовать, как это делают философы, а именно создавать жизнь в рассказах, в данном случае в форме стихов.

Поразительно, соглашаясь с неизбежностью смерти, Сократ менее всего расположен к ней. Он думает о жизни, более того начинает создавать жизнь. Чувствуя, что жить остается немного и соответственно прожить как ему хочется не остается времени, он начинает творить богатую сложную, умную и длинную жизнь, но в стихах, т.е. творить мифы²¹.

---

²¹ «СОКРАТ. Оказалось, нельзя творить стихи при помощи разума. Оказалось, поэты летают. И только тогда приносят свои песни, собранные в садах и ро-

Не случайно Сократ обратился к великому Эзопу, в баснях которого отразилась мудрость жизни. Он мог бы ограничиться тем, что просто вспомнил бы эти басни и проговорил бы их про себя. Но нет, сочинить стихи на басни Эзопа есть новый процесс творения жизни и на самом высоком уровне ее понимания.

Диоген Лаэртский приводит такие его строчки:

*О добродетели вы не судите мудростью массы, -
Так говорил коринфянам однажды Эзоп*²².

Что толку в криках и плаче Ксантиппы с ребенком на руках, они только мешают беседовать и исследовать жизнь. Логично было бы предположить, что последние минуты своей жизни Сократ проведет с женой и ребенком, может быть даже не столько с женой, сколько с ребенком. Так все поступают, ибо ребенок – это самое дорогое для человека, ради его будущего он и живет.

Все, но только не Сократ. В последние часы своей жизни он буквально выгоняет Ксантиппу с ребенком из тюрьмы²³ и поручает

щам муз. Поэт — это существо легкое, крылатое и безумное. И творить он может, только когда сделается иступленным, вдохновенным, чего не позволяет мне мой скучный разум. И поэтому я оставил свои жалкие потуги и сочинил всего один гимн в честь Аполлона. Ведь благодаря празднику Аполлона в Дельфах я прожил этот лишний месяц, и не поблагодарить его было бы невежливо.

— *И Сократ протянул свиток с гимном Второму ученику...*

— *Ты передашь это сегодня священному Хору, когда он ступит на землю Афин».*

Зачем он все-таки сочинил этот гимн? Не в честь же Аполлона, который ничего не стоит относительно его смерти. Так убежденно говорить, что нельзя творить при помощи разума, что стихи есть результат безумия и тут же самому их сочинять. Пускай, по его мнению, стихи плохие, но важен сам факт. И почему он поручает (не просит), чтобы стихи передали для исполнения Хору? Может быть потому, что Сократ стал также безумен и лишился разума, стал иступленным? Вряд ли, он же не поэт. Гимн Аполлону это гимн жизни и самому себе, напомнить после своей смерти, что был Сократ, который хотел жить.

²² Цит. по: Нерсисянц В.С. Сократ. М.: Из-во Наука, 1984. С. 114.

²³ *«КСАНТИППА. Ты взял меня совсем молодой...Ты был старик, а я была...У тебя было столько друзей, и ты всегда с кем-то беседовал...А я слушала и ничего не понимала...Я была совсем молодая, а ты...*

СОКРАТ. Не надо Ксантиппа!

КСАНТИППА. Ты все время себя побеждал. Сначала ты победил свое тело и выучился ходить босиком по льду. Потом ты победил тщеславие и стал ходить в грязном хитоне. Потом ты победил свою плоть, и она уже не мешала тебе мыслить...И я осталась одна на пустом ложе! А я была совсем молодая, Сократ. А ты не обращал на меня внимания! Мне даже казалось, что ты попросту меня не видишь. Ты почему-то вдруг вообразил, что я красивая, на-

сделать это своему другу, а оставшееся до казни время посвящает не философствованию, не размышлениям по существу, а стихосложению, творению мифов, т.е. жизни.

Для него сейчас реальная жизнь не жена с ребенком, поэтому он и выпроводил их в свой последний день, и не процесс подготовки к смерти, об этом он думает меньше всего. Его больше интересует другая реальная жизнь, представленная во всем своем богатстве и истинности – это творение мифов в форме стихов на основе басен Эзопа. При этом бога он только почтил, сочинив в его честь гимн. Он, правда, того стоит, поскольку дал отсрочку казни и позволил Сократу по новому оценить жизнь.

Интересно, что здесь Сократ по существу отказывается от философии как формы рассуждения. И не потому, что философия разочаровала его, нет, просто в момент смерти для него стала важна именно жизнь, но как философ он еще хочет увидеть в ней и мудрость. Он хочет жить, он хочет продлить свою жизнь, он хочет прожить еще одну жизнь на этот раз в стихах. И тем самым остаться в памяти людей.

Именно поэтому в последние часы своей жизни Сократ занялся стихами, и именно поэтому так внимательно отнеслись ученики к его стихам.

Так все и объясни Эвену, Кебет, а еще скажи ему от меня «прощай» и прибавь, чтобы как можно скорее следовал за мною, если он человек здравомыслящий. Я-то, видимо, сегодня отхожу — так велят афиняне.

Так все и объясни и не только Эвену, но и всем, кто знал Сократа. Объясни, что Сократ хотел жить и поэтому занялся стихами, а не для того, чтобы соперничать с ним в искусстве. И Сократ явно это выразил, сказав в форме невольного сомнения, что, видимо, он сегодня умрет. Но затем добавил: «Так велят афиняне», т.е. все жители Афин. И Сократ говорит Эвену прощай.²⁴

столько ты не обращал на меня никакого внимания! Ну погляди на меня, Сократ, какая же я красивая! Ну что ты, с ума сошел?

Да, Сократ настолько велик, что он сумел победить плоть и душу, подчинил их своей страсти – исследовать, но он не победил жизнь в своей простоте и непредвзятости. И она его обошла, как всегда, когда ей сопротивляются: Ксанטיפпа стала жить с другим, а его казнили.

Можно сколько угодно философствовать и силой разума подчинять своей страсти плоть и душу, но нельзя нарушать законы природы, данные богом или еще кем-то. Разум человека силен, очень силен, но не настолько, чтобы противопоставить себя природе, за это она наказывает и беспощадно.

²⁴ ««СОКРАТ. И так, законы вполне резонно могут мне сказать: «Сократ! Согласно нам, законам твоего отечества, отец твой взял в жены твою мать, и

Затем продолжил, сказав, чтобы Эвен как можно скорее следовал за ним, если он человек здравомыслящий. Но только не надо интерпретировать слова Сократа таким образом, что Эвен должен как можно быстрее умереть. Ведь Сократ противник насильственной смерти, даже над самим собой. Тогда о чем идет речь?

Тут вмешался Симмий:

— Вот уж наставление никак не для Эвена, Сократ. Мне много раз приходилось с ним встречаться, и, насколько я знаю этого человека, ни за что он не послушается твоего совета по доброй воле.

Слова Сократа могут звучат очень странно и могут быть истолкованы как призыв к Эвену умереть. Поэтому Симмий и воскликнул: уж не предлагаешь ли ты Эвену умереть насильственной смертью? Никто никогда не может и даже не имеет права призывать кого-либо и ради какой-либо цели, даже весьма благородной и оп-

---

ты появился на свет. Ты гость, в некотором роде наше продолжение. Согласно нам, ты вскормлен, воспитан и наделен благами. Наконец, согласно нам, ты мог попросту покинуть свое отечество, когда вырос. Но ты не сделал этого. Более того, ты никогда не выезжал из Афин, разве что только на войну. Даже ради празднеств не покидал ты родной город. Ты даже не путешествовал. Значит, ты не хотел уехать от нас в другой город с другими законами. Значит, мы, законы твоего отечества, тебе нравились, пока относились к тебе по-другому! Но вот сегодня ты претерпел от нас, и что же? Ты уже готов предать нас, а следовательно, и свое отечество. Ты готов бежать от нашего постановления, скрыться из тюрьмы, переодевшись в козью шкуру или в платье Аполлодора, к нашим врагам. Значит, ты решил ответить своему отечеству злом на зло? Но ты учил всегда иначе! Что же тогда тебе делать, Сократ, в чужой стороне? Чем ты станешь там заниматься? Учить справедливости и добродетели? Но, сбежав от нас, ты сам ее первый нарушишь. Тогда чем ты станешь жить в Фессалии? Услаждать себя едой? Но это хуже смерти!» Аполлодор... Аполлодор... Мне очень хочется жить... Но тебе будет стыдно, если твой собеседник Сократ предаст свои убеждения ради жизни... Ты плачешь, Аполлодор? Но почему? Надо радоваться! Мы ведь поняли с тобой, что есть благо, и не совершили непоправимого поступка. Мы идем до конца в своей вере, не так ли? Ну, отвечай, я прав или не прав?»

По-разному можно интерпретировать слова Сократа, и найти превеликое множество объяснений и оправданий любым его действиям. Но не в этом его основная мысль. Сократ ставит убеждения выше жизни. Можно с этим не согласиться, сказав вполне резонно, что убеждения можно менять. Нет, можно менять только содержание убеждения, а само оно остается как часть человека, более того, убеждения это сам человек, а значит и жизнь. Менять убеждения значит отказаться от своей жизни и прожить другую жизнь. Для Сократа это уже не приемлемо и поздно. Так или иначе смерть все равно наступит. Но в первом случае он останется самим собой и таким в памяти афинян, во втором случае после него уже ничего не останется.

равданной, покинуть мир добровольно. Этот призыв можно квалифицировать как скрытое насилие, подталкивание к смерти, к самоубийству. Большого греха гражданского и божественного не бывает. Поэтому и звучит в вопросе Симмия удивление и даже негодование.

Но речь не идет о том, что Эвен должен по доброй воле умереть насильственной смертью. Речь идет совершенно о другом, об ином понимании термина «следование» за Сократом.

— Почему же? Разве Эвен не философ?

— По-моему, философ, — отвечал Симмий.

— Тогда он согласится со мною — и он, и всякий другой, кто относится к философии так, как она того требует и заслуживает. Правда, руки на себя он, вероятно, не наложит: это считается недозволенным.

С этими словами Сократ спустил ноги на пол и так сидел уже до конца беседы.

От Эвена как человека Сократ переходит к Эвену как философу. А это уже иная интерпретация человека, его жизни. Сократ удивляется, почувствовав, что его неправильно начинают понимать. Поэтому он и спрашивает, разве Эвен не философ, а если да, то он согласится со мной, т.е. поймет о чем идет речь.

Сократ лишний раз подтверждает, что речь не идет о насильственной смерти над самим собой — это не дозволено, хотя иногда и совершается, поэтому Сократ и употребил слово вероятно. Но речь не идет ни о смерти вообще, ни о Эвене, ни о дозволенном или о недозволенном, и даже ни о тех учениках Сократа, которые его окружают и требуют от него истины, наивно интерпретируя его высказывания. (Или это так специально построил диалог Платон).

Кебет спросил его:

— Как это ты говоришь, Сократ: налагать на себя руки не дозволено, и все-таки философ соглашается отправиться следом за умирающим?

Лейтмотивом все настойчивее здесь звучит слово *не дозволено*. Правда, пока речь идет о том, что не дозволено налагать на себя руки. Необходимо обратить внимание на трансформацию мысли Сократа. Сначала он говорит, что Эвен должен следовать за ним, и в свете предстоящей смерти Сократа все понимают его слова так, что Эвен должен поступить так же, т.е. умереть. А поскольку иной формы смерти вроде бы не предвидится, в том числе насильственной смерти со стороны кого-либо, то все восприняли это так, что он должен сам на себя наложить руки.

Но затем Сократ перевел диалог в сферу философских рассуждений и, более того, подчеркнул, что речь не идет и не может идти

о насильственной смерти со стороны самого Эвена. Но далее Сократ говорит вообще о недопустимости насильственной смерти и тем самыми приводит слушающих к мысли, что его смерть, как насильственная со стороны других является незаконной, недозволенной, противоестественной и пр. Причем независимо от кого исходит смерть, даже от афинян.

— Ну и что же, Кебет? Неужели вы — ты и Симмий—не слышали обо всем этом от Филолая?

— Нет. По крайней мере, ничего ясного, Сократ.

Здесь Сократ, по всей видимости, не решается высказать эту мысль исключительно от себя и пытается сослаться на мнение кого-то Филолая, не исключено, весьма уважаемого и сведущего человека, может быть даже философа, заручиться его негласной поддержкой и тем самым придать весомость своим аргументам. При этом ни Симмий, ни Кебет даже не догадываются о чем идет речь и каким «хитрым» образом Сократ подведет их к нужному ему выводу и им ничего не останется как согласиться с ним. Это и называется «сократовский метод» построения беседы. Его также с большим основанием можно назвать «платоновским методом» построения диалога.

— Правда, я и сам говорю с чужих слов, однако же охотно повторю то, что мне случалось слышать. Да, пожалуй, оно и всего уместнее для человека, которому предстоит переселиться в иные края, — размышлять о своем переселении и пересказывать предания о том, что ждет его в конце путешествия. В самом деле, как еще скоротать время до заката?

Сократ усиливает давление и ссылается на мнение не только Филолая, но и еще кого-то, и, как следует из текста, даже не одного, а нескольких человек («я сам говорю с чужих слов»). Он не хочет высказать крамольную мысль от себя и опять говорит, что повторяет ее (и при этом охотно повторяет, поскольку эта мысль ему очень нравится, потому и нравится, что она его собственная), что ему случалось слышать ее от других.

Далее Сократ слегка лукавит и уводит слушателей в сторону от своей основной мысли. Он говорит, что все, что я скажу, вы слышите от человека, которому предстоит переселиться в иные края, а, значит, в силу исключительности ситуации, не обязательно должно быть принято. Понятно, человек рассуждает о жизни и смерти перед своей смертью и поэтому простительно, если он скажет нечто такое, что будет расходиться с известным мнением. Это так естественно и так понятно: перед смертью человек размышляет о своем «переселении» и пересказывает предания о том, что ждет его в конце путе-

шествия. Это просто болтовня, ну как еще скоротать время до казни, как будто речь идет о коротании времени до ужина.

Сократ готовит слушателей не только с точки зрения аргументации своих доводов, но и чувственно, эмоционально, настраивает их на благоприятное восприятие своих мыслей.

— Так почему же все-таки, Сократ, считается, что убить самого себя непозволительно? Сказать по правде, я уже слышал и от Филолая, когда он жил у нас, — я возвращаюсь к твоему вопросу, — и от других, что этого делать нельзя. Но ничего ясного я никогда ни от кого не слышал.

И что так Кебет допытывается от Сократа, что убить самого себя не позволительно? Настолько ясно и понятно это общепризнанное положение, что на него можно только сослаться и больше не упоминать, как это неоднократно и делал Сократ и с менее обоснованными аргументами, просто ссылаясь на общественное мнение. Кебет и сам согласился с Сократом, что это слова Филолая и не только его.

Но когда Кебет говорит, что ничего ясного ни от кого не слышал по этому вопросу, хотя вроде бы и так все ясно, он тем самым открывает возможность для Сократа исследовать эту вроде бы известную тему и самое главное высказать свою точку зрения, которая находится за пределами общепризнанной позиции.

Сократ, постоянно обращаясь к мысли, что нельзя добровольно наложить на себя руки, тем самым усиливает атмосферу, даже нагнетает ее, чтобы слышащие поняли, наконец, что за вроде бы понятными вещами кроется неизвестное, непонятное и новое.

— Не надо падать духом, — сказал Сократ, — возможно, ты еще услышишь. Но пожалуй, ты будешь изумлен, что среди всего прочего лишь это одно так просто и не терпит никаких исключений, как бывает во всех остальных случаях.

Еще раз подтвердив, что все понятно и просто, Сократ приступает к изложению своей основной мысли и начинает издалека. Да, конечно, налагать на себя руки и добровольно уходить из жизни предосудительно и не подлежит обсуждению. Но оказывается из этого простого и понятного суждения имеются исключения, да еще какие. Именно эти исключения и становятся предметом дальнейшего рассуждения Сократа.

Бесспорно, есть люди, которым лучше умереть, чем жить, и, размышляя о них — о тех, кому лучше умереть, — ты будешь озадачен, почему считается нечестивым, если такие люди сами окажут себе благодеяние, почему они обязаны ждать, пока их облагодетельствует кто-то другой.

Кебет слегка улыбнулся и отвечал:

— Зевс свидетель — верно!
Эти слова он произнес на своем наречии.

Почему-то стало бесспорным, хотя такого ранее не было в рассуждениях Сократа, что есть люди, которым лучше умереть, чем жить. Очень спорный момент, и никто не решится так категорично заявить, ибо общественное мнение ни тогда, в далекой древности, когда жил Сократ, ни сейчас не выработало на этот счет однозначного мнения.

Наверное, и в самом деле имеются люди, которым лучше умереть, согласно представлениям своего времени и сложившимся правилам. Общество определяет на этот счет соответствующие нормы и формы поведения. В частности, суд как некий общественный и легитимный орган, призванный защищать общество и граждан от опасности, исходящей от отдельных групп или граждан данного общества. Наделенный правами суд и приговаривает к смерти тех людей, которые, по его мнению, жить не должны. Но аспект этот очень узок и ограничивается совершенным антиобщественным деянием²⁵.

В беседе Сократа со слушателями речь идет о таких людях, которые сами решают, что им лучше не жить, и сами себе оказывают в этом «благодетельство».

В рассуждении Сократа имеется несколько интересных нюансов, которые сразу и не заметишь. Во-первых, речь идет о тех людях, которым *бесспорно* лучше умереть, но не по личным причинам,

---

²⁵ «АНИТ. Ну что ты, Сократ, я не верю в жизнь после смерти. Как, впрочем, не верю и в богов.

Усмешка Сократа.

-- Видишь ли, человеческая жизнь слишком мимолетна, чтобы проверить, существуют ли великие боги. А я кожевник и верю только тому, что можно проверить на собственной коже, точнее шкуре... И вообще, согласишься, Сократ, было бы слишком печально узнать, что вся наша короткая жизнь находится в воле этих вечно бранящихся олимпийцев... Неужели ты действительно веришь в богов?

СОКРАТ. Мне хочется верить в жизнь после смерти.

АНИТ. Тогда это забавно, Сократ: человек, который верит в богов, посажен в тюрьму другим, который в них не верит, по обвинению в неверии в богов».

Неверие в богов или вера в себя - убеждение, которое не хуже и не лучше, чем вера в богов. Разница только в том, что Сократ под верой в богов понимает приоритет общих законов над частными, тогда как Анит провозглашает приоритет своих частных убеждений над общими. Другое дело, что под прикрытием богов свои частные убеждения Анит сделал общими, что и дает ему право говорить об их истинности. Сократ понимает эту разницу или чувствует ее, но может только усмехнуться.

а исходя из интересов общества. Если бы речь шла только о причинах, которые касаются лично человека, то вряд ли Сократ стал бы о них говорить как об общественно признанном явлении. Мое личное потому таковым и является, что оно никого не касается. Но когда речь идет об интересах общества, то появление людей, которым не стоит жить, приобретает уже общественное звучание. И если бы такие люди сами ушли из жизни, то это было бы вполне благочестивым.

Известно, что в Спарте таких людей сбрасывали в пропасть, что общество в трудные периоды жизни избавлялось насильственно от немощных, стариков, инвалидов, умерщвляло нежизнеспособных новорожденных и пр. Мы также хорошо помним, что общество отдавало власть сильным и, даже если они нарушали действующий закон²⁶, предоставляло им право решать вопросы жизни и смерти.

Смысл рассуждения Сократа заключается в том, что решение о своей нужности и ненужности, а соответственно и об уходе из жизни, должен принимать сам человек и никто другой. Не имеет права решать этот вопрос даже общество.

Посмотрим внимательно на слова, которые употребляет Сократ. Он говорит: «Бесспорно, есть люди, которым лучше умереть». Слово *лучше* по своему содержанию не предполагает обязательно умереть. Сократ мог бы сказать, что *бесспорно* есть люди, которые должны умереть. Но он употребляет слово *лучше*, которое означает, что они в принципе могут и жить, хотя лучше бы, чтобы они умер-

---

²⁶ *Наши законы дурны, ибо они установлены слабосильными. Что делать — слабосильных большинство: в природе всегда больше дурного и отходов. И вот, чтобы защитить себя от меньшинства сильных, то есть от тех, кто способен над ними возвыситься, это слабое большинство придумало наши афинские законы. И утверждает, что встать над большинством — несправедливо и надо страшиться этого. Но, Сократ, ведь сама природа повсюду провозглашает право сильного. Закон великой природы считает справедливым, если лучший и сильный подавит худшего и слабого. «Творить насилие рукой могучей», — это сказал великий поэт Пиндар... Мы же берем с детства самых решительных и сильных людей и приучаем заклинаниями законов, что все они должны быть равны ничтожному большинству и что только это справедливо... Но мне хочется, Сократ, чтобы у нас появился некто, достаточно одаренный природой, который освободился бы от эго дурмана и освободил бы других.*

Законы и в самом деле дурны, если только распространять их на всю систему отношений. Юридические законы только часть их. Кроме того, они и в самом деле защищают слабых и заставляют сильных им подчиняться, хотя сильные сами могут и творят законы. И в самом деле, равенство перед юридическим законом только уловка слабых, которая противоречит естественному ходу природы, что приводит ко многим противоречиям. Это так, если изменить понятие «сильный» и не приписывать этот эпитет тем, кто имеет власть.

ли. Сократ дважды употребил это слово, видимо, оно играет здесь ключевую роль.

Насколько категорично *бесспорно* и насколько мягко *лучше*. Соглашаясь бесспорно, что такие люди существуют, Сократ *размышляет* над их судьбой, а по сути о необходимости и неизбежности их смерти. Хотя чего бы здесь рассуждать: если бесспорно такие люди имеются, то они должны умереть. Но это рассуждения негибкого ума и не того человека, который находится на краю жизни.

Сократа также спросили в неявной форме в суде: «Ты согласен, что есть люди, которым лучше умереть» (независимо по личным ли причинам или по решению общества)? И он ответил на это положительно, ибо другого ответа общество не приемлет. Если Сократ является членом общества, а таковым он себя признал, когда пришел в суд, то должен принять те правила, по которым данное общество существует.

И суд от имени общества говорит ему, что ты как раз тот человек, который не должен жить. Это первая часть рассуждения, вторая не столь однозначна, но суд выбирает – должен умереть. Значит, делает заключение суд, Сократ, ты должен умереть. Но понятия «не должен жить» и «должен умереть» не равно порядковые и не всегда соответствуют принципу следования. «Не должен жить», еще не означает «должен умереть», но «должен умереть» в обязательном порядке предполагает смерть.

Решения «не должен жить» или «лучше умереть», или «должен умереть» осуществляются в рамках жизни, а значит далеко не бесспорны, более того, они всегда спорны. В отличие от факта смерти, который всегда бесспорен. И когда общество, суд или сам человек приводят в исполнение смертный приговор, тогда человек фактически переходит в иную область бытия, где он уже не имеет права принимать решения, поскольку не принадлежит этому бытию.

Сократ задает вопрос, а насколько правомерно суждение, что человек, который не должен жить, обязательно должен умереть? Да, такие люди и в самом деле существуют и это бесспорно, но это совсем не значит, что они должны умереть. Ведь есть же другое не менее, а может и более приемлемое решение: они должны умереть, но могут жить. Вот что стоит за словом *лучше*.

Кстати говоря, отмена казни в ряде европейских стран как раз и реализует альтернативный принцип «не должен жить». Человека изолируют: не должен жить... в обществе. Именно такая альтернатива в первую очередь имеется в виду при реализации суждения «не должен жить». Приняв подобное решение, суд не переходит в иную область, по ту сторону жизни, где он уже не властен.

Теперь проведем анализ других слов Сократа. «Ты будешь *озадачен*, почему считается *нечестивым*, если такие люди сами окажут себе *благодаяние*». Хитрый все-таки этот Сократ. По сути, он выстроил логическое противоречие и тем самым озадачил собеседника. И в самом деле, накладывать на себя руки, бесспорно, не принимается и осуждается обществом. Этому есть много веских и чисто рациональных доводов. Человек – часть общества, он должен выполнить свою задачу в обществе. Поскольку он общественное существо его решение не может быть индивидуальным, личным, соответственно и его смерть также должна быть общественным решением. Если общество не принимает такого решения, то он должен жить. Поэтому общество и осуждает, причем категорично, самовольное решение об уходе из жизни.

Но в то же время существуют люди, которым вроде бы и не зачем жить, и в силу этого они должны добровольно умереть. Но если осуждать такую смерть, то они не должны умереть, а если все-таки должны умереть, тогда общество не имеет права их осуждать. Критериев кто и в каких обстоятельствах должен умереть не имеется, и ответ на данный вопрос всегда остается на уровне декларации. Поскольку решения о допустимости бесспорного личного добровольно ухода из жизни также нет, то оказывается, что это противоречие неразрешимо, по крайней мере объективно. Каждый раз решение принимается спонтанно, исходя из каких-то не очень объективных критериев. Последний вывод очень важен в логике рассуждения, точнее, интерпретации логики рассуждения Сократа.

Слова *благодаяние* и *облагодетельствует* звучат как-то саркастически. *Благодаяние* не связывается, как правило, со смертью, за исключением отдельных случаев. А слово *облагодетельствует* вообще имеет противоположный *благодаянию* смысл.

Если человек все-таки принял решение, что ему лучше не жить, и тем не менее по каким-то причинам не решился оказать себе соответствующее «*благодаяние*», то совсем не значит, что в этом ему должен помочь кто-то другой. И он не должен ждать, что ему в этом кто-то поможет, такого просто не может быть. Тем не менее, Сократ говорит об этом и говорит потому, что имеются люди, которые готовы помочь.

Какая получается интересная логика рассуждения и к каким выводам невольно она приводит, если вычленив некоторые особые свойства используемых понятий.

Безусловно, в обществе имеются люди, которым лучше не жить. Но общество осуждает тех, кто сам добровольно уходит из жизни за исключением особых случаев. За них это решение принимает общество и приводит его в исполнение. Но именно общество и

не имеет права этого делать, поскольку бесспорность одного и не бесспорность второго (они должны умереть) не позволяют однозначно привести решение в исполнение. В крайнем случае общество может принять решение о том, что данному человеку лучше не жить, официально, так сказать, уведомив его, что он не нужен обществу, что общество его отвергает и пр. Но общество не имеет права принять решение о том, что он *должен* умереть.

Теперь используем эту логику рассуждения применительно к Сократу. Вполне возможно, что Сократу лучше не жить. Это решение может принять он сам или же общество (мы не касаемся сейчас причин такого решения). Однако это совсем не значит, что его должны казнить, хотя такое решение все-таки принимается. Но принимается оно не обществом, а *кем-то другим, который и решил облагодетельствовать* Сократа. Это решение по сути не объективно и по большому счету не законно²⁷.

Сократ подводит слушателей к мысли, что решение о казни является по сути не законным. По крайней мере он его не принимает и не считает для себя благодеянием.

— Конечно, это может показаться бессмысленным, — продолжал Сократ, — но, на мой взгляд, свой смысл здесь есть. Сокровенное учение гласит, что мы, люди, находимся как бы под стражей и не следует ни избавляться от нее своими силами, ни бежать, — величественное, на мой взгляд, учение и очень глубокое. И вот что еще, Кебет, хорошо сказано, по-моему: о нас пекутся и заботятся боги, и потому мы, люди, — часть божественного достояния. Согласен ты с этим или нет?

— Согласен, — отвечал Кебет.

Во второй части данного рассуждения Сократ высказал эту мысль более четко. Действительно, все, что сказал Сократ выше в данном рассуждении, может казаться и кажется бессмысленным. И

---

²⁷ АНИТ. Ты мешал всем. Умным, потому что многое из того, что приходит в голову тебе, приходило в голову и им. Но они молчали. А если кто-то молчит, ему совсем не нравится, когда говорит другой... Ты мешал глупым — они тебя не понимали... Ты мешал тем, кто не верит, потому что требовали веры... Ты мешал тем, кто верит, потому что их раздражала твоя вера, которую надо все время проверять сомнением — истинна ли она.

Анит умный, и многое из того, что он говорит, верно. Прав и Сократ. Только они не могут быть правыми одновременно, поскольку принадлежат к разным формам жизни. Случай свел их в одном месте, где правым может быть только кто-то один при этом независимо от содержания самой правды. И в этом смысле спор их пустой. Раньше они расходились, каждый поочередно, уступая место другому. Но сейчас, в силу обстоятельств, это оказалось невозможным.

Сократ довольно определенно заявляет, что в самом деле здесь многое без смысла, но только на первый взгляд.

Сокровенное, да еще учение, гласит, что все в воле божьей. А это уже совсем бесспорно. Человек не должен и думать, чтобы избежать воли божьей, поэтому он не имеет права добровольно уходить из жизни.

Сократ употребляет слово *под стражей* и, по всей видимости, не случайно. Он и сейчас находится под стражей. Но существует только одна стража – бог, и только под этой стражей находится человек и ни под какой иной стражей он не может находиться. Сократ несколько раз повторяет, что это сокровенное учение, величественное и очень глубокое. В самом деле, глубже и величественнее не может быть.

Сократ усиленно берет в помощники бога: «сокровенное учение гласит», «боги берут людей как бы под стражу», «пекутся и заботятся о людях». Сколько сказано высоких слов, сколько ссылок на божественное. Правда, из этого совсем не следует, что люди являются частью божественного достояния. Но так можно сказать, и Сократ говорит об этом прямо, и без какого-либо сомнения – это самый сильный его аргумент. Если люди являются частью божественного достояния (а значит, и сам Сократ как человек принадлежит к божественному достоянию), то фактически они находятся под охраной бога и только бога.

Из этого следует простой вывод: только боги могут содержать его под стражей и только боги ему судьи, и никто не имеет права не только лишить его жизни, но даже осудить.

Ссылка на богов и сокровенное учение – не самый сильный аргумент при принятии решения о жизни и смерти для людей, имеющих возможность принимать такие решения. Но он становится сильным тогда, когда надо оправдать уже принятое решение высоким авторитетом в глазах общественности, что, собственно, и сделали те, кто осудил Сократа. Но и Сократ использует ссылку на богов и сокровенное учение только как уловку, чтобы высоким авторитетом оправдать свое решение. Он осознает, что может только высказать данный тезис, что никакого практического значения он уже не имеет. Как философ он все прекрасно понимает, но и ему нужно успокоение и самооправдание, и осуждения своих судей. Так все и всегда поступают, никогда не соглашаются с решением судей и находят тысячи весомых и не очень весомых аргументов в свою защиту.

По существу все правы, ибо никакой суд не может доказать вину даже в случае совершения вроде бы явного преступления. Такова природа интерпретации понятия как мыслительной формы

представления действия. Но особенность суда заключается в том, что он всегда обязан принимать решение, чтобы дать возможность развитию событий. И в этом плане суд всегда прав, какое бы решение он ни принял.

Если бы речь шла об обыденном сетовании и поиске вполне понятного и объяснимого, с человеческой точки зрения, своего оправдания, то не надо было бы на эту тему много рассуждать, здесь и так все ясно. Но в данном случае мы имеем дело с написанным произведением, с автором, который сознательно ставил вопросы и выстраивал в явной и неявной форме логику рассуждения, наполненную специальным, даже особым содержанием.

Зачем же все-таки автору понадобился такой слабый аргумент, как ссылка на бога?

Как мы уже говорили, ссылка на непререкаемый авторитет бога – это попытка аргументировать свои действия в глазах общественности. В данном случае она необходима Платону только для того, чтобы было весомее осуждение существовавшей тогда политической ситуации, а соответственно и казни Сократа, а также людей (не суда), которые приняли данное решение. Платон как бы продолжает линию Сократа по осуждению богов и властей (а именно за это и судили Сократа), но только с другого берега, по ту стороны жизни и смерти и даже вне Афин²⁸. Ситуация до боли знакомая по нашим недавним временам и сегодняшним событиям. Можно предположить с большой вероятностью, что она не изменится, по крайней мере еще две с половиной тысячи лет.

Сократ продолжает:

— Но если бы кто-нибудь из тебе принадлежащих убил себя, не справившись предварительно, угодна ли тебе его смерть, ты бы, верно, разгневался и наказал бы его, будь это в твоей власти?

---

²⁸ «ПЕРВЫЙ. *Этого хотел ты сам — принять смерть во имя своей победы. Ты говорил об этом в доме Продика. Мне показалось сначала, что я тогда не понял тебя до конца... И я обратился к своим тетрадам — прочел твои беседы с Федоном из Коринфа и с Харетом из Фив, где ты прямо говорил: «После смерти провидца народ, как нашкодивший ребенок, виня себя и каясь, выбьет на мраморе то, что вчера не хотел даже слушать...».*

Выбить на мраморе - не дань признания, а выражение глупости. Все, что будет после, уже связано с другим и не имеет никакого отношения к тому, что было до. Народ это сделает обязательно, в этом Сократ прав. Но не это хотел Сократ доказать своей смертью, он даже не хотел своей победы и тем более в утилитарном ее выражении. Признание его, Сократа, правоты означало для народа принятие его слов, образа мысли, критики богов и властей и пр. А главное оно означало право людей на свою собственную свободу. Как только народ принимает критику богов и властей, он освобождается от них и становится хотя бы чуточку свободнее на долгом пути к полной свободе и независимости, если таковые существуют.

— Непременно! — воскликнул Кебет.

Все в этой фразе противоречиво и неубедительно. Для подтверждения своей мысли Сократ взял пример из обыденной жизни: человек (хозяин) – собственник другого человека. Но именно на примере отдельного человека этот аргумент и не срабатывает. Спрашивать у хозяина как уйти от него, избрав в качестве ухода смерть, не имеет ровным счетом никакого смысла. Тем более, когда хозяин уже не имеет возможности его наказать. Но Сократа и не волнует данная аргументация. Он хочет только сказать, что если человек убил себя, то виноват в этом исключительно хозяин.

По сути здесь присутствует более мощный аргумент. Если человек, подвластный богу, убил себя или это сделал другой, что следует из принципа собственности, о чем и говорит Сократ, то, естественно, боги должны разгневаться и покарать или самого человека, или того, кто ему помог уйти из жизни. Правда, не понятно, каким образом они могли бы покарать, но это и не обсуждается, поскольку не имеет никакого значения, и по существу не об этом идет речь.

Сократ, таким образом, перешел от скрытого несогласия со своей смертью к осуждению смерти, более того, осуждению тех людей, которые приняли решение об его смерти.

— А тогда, пожалуй, совсем не бессмысленно, чтобы человек не лишал себя жизни, пока бог каким-нибудь образом его к этому не принудит, вроде как, например, сегодня — меня.

В этом плане совсем не бессмысленно не лишать себя жизни или, другими словами, вполне нормально, что человек не лишает себя жизни, покуда боги его к этому не принуждают. Но именно боги и не могут это сделать по определению.

Сократ употребляет сильное слово *принудили*, что совсем не может относиться к богам, ибо они никогда не принуждают, а только принимают решение, обязательное к исполнению, и человек не может его не исполнить. У него не может даже возникнуть мысль о том, что боги его принудили. Это означает не согласиться с решением богов.

Но Сократ здесь и не имеет в виду бога, ведь принудить могут только люди. Принуждение со стороны какого-либо человека или группы людей, или всего общества означает, что поступили против воли и согласия того, кого принудили. Поэтому он имеет полное моральное право не согласиться с их решением. Сократа так же принудили люди и, соответственно, он имеет право не согласиться.

Слово *принудили* и свидетельствует о том, что Сократ не согласился с тем, что его принудили к смерти.

Сократ готов следовать решениям богов как разумных по определению, но не желает следовать неразумным решениям людей. Он готов подчиниться законам общества Афин, но не законам его представителей, даже если они обладают властью. Закон общественный само по себе божественное предопределение. Решение властей в угоду своим частным корыстным притязаниям есть извращение общественного закона. Оно не имеет ценности не только в глазах философа, но и в общем предопределении человека как божественного создания, подчиненного только богам, т.е. высшему разуму и предназначению. Жизнь – это ползание человека по лабиринту страстей, страха и желаний. Кто благополучно выбирается из этого лабиринта, вступает на путь своего высшего предназначения, которое олицетворяет божественность и разум. Казнить человека по воле другого человека, который принял такое решение, исходя из своих частных и корыстных целей, означает выступить против предназначения, против воли богов и высшего разума. Это есть принципиальное положение Сократа.

— Да, это, пожалуй, верно, — сказал Кебет. — Но то, о чем ты сейчас говорил, будто философы с легкостью и с охотой согласились бы умереть, — это как-то странно, Сократ, раз мы только что правильно рассудили, признав, что бог печется о нас и что мы — его достояние. Бессмысленно предполагать, чтобы самые разумные из людей не испытывали недовольства, выходя из-под присмотра и покровительства самых лучших покровителей — богов. Едва ли они верят, что, очутившись на свободе, смогут лучше позаботиться о себе сами. Иное дело — человек безрассудный: тот, пожалуй, решит как раз так, что надо бежать от своего владыки.

В свете вышесказанного – боги управляют людьми – введение такого параметра как философ явно неуместно. Он тоже человек и полностью подпадает, так сказать, под юрисдикцию богов. Перед богом все равны. Но Платон оперирует не понятием «философ», а понятиями «разумный» и «неразумный».

Не случайно Кебет высказал свое недоумение, почему именно философы готовы с легкостью и охотой умереть²⁹. Никто не может

---

²⁹ «СОКРАТ. Тогда ответь мне, Ксантиппа, свойственно ли настоящим философам пристрастие к так называемым наслаждениям: к питью или еде? Ответь мне.

КСАНТИППА. *Свойственно...Несвойственно.* – Она вцепилась в руку Сократа.

СОКРАТ. *А к остальным удовольствиям, начиная с тех, что относятся к уходу за телом? Например, щегольские сандалии, красивый плащ – ценит ли все это истинный философ или не ставит ни во что, кроме самых необходимых?*

КСАНТИППА. *Несвойственно...свойственно...*

умереть добровольно, но только по велению бога, и такие определения как: хочет или не хочет, с радостью и легкостью – в данном случае не принимаются и не имеют никакого значения. Такие рассуждения как-то странно даже слушать. Ведь философы – самые разумные люди, а коль так, то они должны понимать, что пред богом – их покровителем, им должно жить намного лучше, чем без него. Совсем другое дело неразумный человек, он просто этого не понимает и совершает неразумное действие, стремясь на свободу.

Но не все так просто. Под внешней противоречивостью в рассуждении великого философа и писателя Платона скрывается строгая логика и важная мысль.

Введение понятия «философ», когда вроде бы уже все ясно, не случайно. Он и в самом деле разумный, более того, самый разумный человек и прекрасно понимает, что такое свобода и что такое бог.

Бог в интерпретации Платона высший покровитель, он печется о людях и предопределяет их жизнь. вспомните, что говорил Сократ чуть выше. По сути дела бог это все, наша жизнь и начало начал. Философ хорошо понимает: бежать от бога и тем более добровольно – значит бежать от жизни, что весьма не разумно, да и не позволительно. Люди – достояние бога, т.е. жизни в интерпретации Платона, и больше никого и пускай сама жизнь распоряжается, когда человеку умирать. Но не люди должны это делать, поскольку сами находятся под покровительством богов и заменять их не имеют права.

СОКРАТ. Молодец, Ксантинна! Стало быть, истинный философ на протяжении всей своей жизни постепенно освобождает свою душу от прихоти тела. И когда наступает час его смерти, что с ним происходит?»

Душа – это изначально чистое божественное создание, отданное людям для познания бога и истинного смысла существования. Но она не может быть вне тела как ее физического носителя, имеющего свои особенности, и душа вынуждена считаться с требованиями тела и даже подчиниться его прихотям. Но подчинить душе тело тоже крайность, которая не дает покоя ни тому, ни другому. В неразумном человеке душа боится тела, а тело боится души, и они не могут существовать ни вместе, ни друг без друга.

Гармония заключается в том, что каждый делает свое: душа говорит телу как надо себя вести, а тело – душе, что ему не хватает, и вместе они движутся к своему высшему предназначению, где тело уходит в небытие, а душа становится частью божественного, или высшего, разума.

Сократ как великий философ, приближающийся по уровню своего сознания к высшему разуму, а значит и к душе, потому и говорит, что легко и даже с радостью освобождается от дряхлого тела и покидает землю. Его тело уже выполнило свою задачу, оно жило с душой в гармонии и позволило ей достичь своего предназначения.

И только безрассудный решает жить ему или умереть без повеления богов, т.е. без повеления самой жизни, причем решает жить и умереть относительно не только себя, но и любого другого. Подле доброго, т.е. подле жизни, надо оставаться до последнего, до последней крайности, и даже думать нельзя о смерти. И любой здравый человек и прежде всего философ это хорошо понимает.

Употребляя сильные выражения и категоричные суждения, Платон еще раз хочет подчеркнуть, что стремиться к добровольной смерти нельзя, так же как и лишать жизни насильственным способом. Платон пишет, что боги – покровители, и только они решают вопросы жизни и смерти, и поэтому необходимо оставаться жить до последней крайности. Кто в здравом уме, всегда стремится к этому, побег же от бога и добра является безумием.

Кебет продолжает свою мысль.

Ему и в голову не придет, что подле доброго надо оставаться до последней крайности, о побеге же и думать нечего. Побег был бы безумием, и, мне кажется, всякий, кто в здравом уме, всегда стремится быть подле того, кто лучше его самого. Но это очевиднейшим образом противоречит твоим словам, Сократ, потому что разумный должен умирать с недовольством, а неразумный — с весельем.

На самом деле Сократ не говорил, что разумный должен умирать с неудовольствием, а неразумный – с весельем. Эти понятия по существу ввел Кебет. Сократ говорил вообще о человеке и смерти и о не возможности лишать человека жизни.

Объяснение относительно простое – неразумный человек не понимает, что жизнь – это высшее достояние и предназначение, совершаемое по велению богов, и он просто не имеет права принимать решение о своей смерти. Не может еще и потому, что жизнь это не только физическое ее выражение, но прежде всего духовное состояние человека. Разумный человек принимает смерть с неудовольствием, тем более по решению людей, которые не всегда разумны.

Речь, таким образом, идет не вообще о жизни и смерти, а о духовной, разумной мыслительной жизни, которая не тождественна физической жизни. Казнь человека фактически прекращает духовную жизнь. Тем самым совершается двойное преступление перед людьми и перед богом, который и определяет высшее предназначение жизни человека. Поэтому так настойчиво Сократ говорит, что он лишается только физической жизни, а там в другом, лучшем мире он продолжит духовную жизнь с лучшими ее представителями и

со стороны богов, и со стороны людей. Но эти рассуждения будут присутствовать несколько позже³⁰.

Сократ выслушал Кебета и, как показалось, обрадовался его пытливости. Обведя нас взглядом, он сказал:

— Всегда-то Кебет отыщет какие-нибудь возражения и не вдруг соглашается с тем, что ему говорят.

Сократ обрадовался такой пытливости Кебета только потому, что Кебет высказал его же сокровенную мысль. По сути Сократ осторожно и исподволь уже подвел к ней слушателей, но не в форме явного и определенного вывода в системе логического рассуждения,

---

³⁰ «СОКРАТ. Душа обычного смертного разлучается с телом оскверненная и замаранная. Всю жизнь она угождала своему телу – его страстям и наслаждением. Она настолько срослась с телом и зачарована им, что не считает истинным ничто, кроме утех тела, то есть того, что можно осязать, выпить, съесть или использовать для любовной утехы. Все смутное, незримое она боится и ненавидит. И оттого мучительно такой душе расставаться с телом и жизнью. Не то философ! Ксанטיפпа, я никогда не заботился о теле. Я победил все его желания – и теперь, вступая в пору, когда оно будет докучать мне своими слабостями и мешать мне мыслить, я расстанусь с ним легко, без сожаления, как лебеди. Я убегаю из-под его стражи. Это не страдание, Ксанטיפпа. Я покидаю землю легко, с осознанной любовью ко всем живущим. Считай это просто выздоровлением моего дряхлого тела. И как при выздоровлении приносят богу Асклепию в благодарность в жертву петуха, - сделайте так, когда я закрою глаза.»

Перед громадиной небытия все поступки, мысли, совершаемые перед смертью, становятся ничтожно малы и теряют смысл, поскольку лишены продолжения.

Противостояние души и тела – извечная проблема и не только философии. При этом тело всегда связано с грязью, грехом, осквернением, а душа – воплощение добра, света, истины. Основной лейтмотив – очищение души и в конечном счете избавление от тела посредством смерти. В этом заложен смысл некоего бытия – истины, достигаемой только посредством души, т.е. чистого мышления, которое всегда отвлекается для обеспечения брэнного тела. Но поскольку на последнее уходит много сил, то заняться истиной души не хватает ни времени, ни сил. Отказаться от тела и очиститься означает переход души в такое состояние, когда она может заниматься только истиной, что можно осуществить только в каком-то ином мире.

Возможно, это так, но не в том мире, который будет после смерти. Речь идет о таком мире, когда жизнь будет существовать исключительно только в форме души и мысли. Сейчас жизнь существует в парадигме ее физического существования, но эволюция развития живого приведет к такой форме жизни, когда мысль, разум, мышление или душа будут существовать в форме, не связанной с ее физическим воплощением. Жизнь будет существовать сама по себе. По всей видимости, именно о таком перевоплощении души и идет речь у философов и не только у них.

как он всегда делал, а в виде противоречия. Этим самым он хочет заставить Кебета, Симмия и других слушателей подумать вместе с ним над возникшим противоречием и самим придти к тому выводу, который Сократ уже сделал. Только в этом случае вывод может быть весомым и останется в памяти слушателей как результат их собственной мыслительной деятельности.

Для Сократа очень важно (не надо забывать, что он находится за минуту до смерти), чтобы его главная мысль дошла до людей, осталась в их памяти и была принята. Однако недостаточно только высказать ее, провести логический разбор суждений, подводящий с неизбежностью к логическому выводу. Даже мало практически ее доказать, надо чтобы она стала достоянием, собственностью других людей. Этому можно достичь только в том случае, если люди найдут решение сами. Ни что не стоит так дорого, как результат собственных усилий. И Сократ этого в принципе добился: и Кебет, и Симмий выразили резкое неприятие его доводов и вскрыли противоречие в его рассуждениях. Далее дело осталось за малым, подтолкнуть их к истинному решению, что он и сделал.

А Симмий на это:

— Да, Сократ, и мне тоже кажется, что Кебет говорит дело. С какой стати людям поистине мудрым бежать от хозяев, которые лучше и выше их самих, и почему при расставании у них должно быть легко на сердце? И мне кажется, Кебет метит прямо в тебя. Ведь ты с такой легкостью принимаешь близкую разлуку и с нами, и с теми, кого сам признаешь добрыми владыками, — с богами.

Когда два человека в один голос твердо говорят, что Сократ не прав, чего не может быть, согласно фабуле рассказа. Возникает мысль, что это делается специально для того, чтобы усилить эффект разрешения возникшего противоречия.

И тот, и другой утверждают, что разумным людям нельзя бежать от мудрых хозяев, тем более с радостью. Сократ, безусловно, признается разумным, но слово *хозяин* имеет двойственное значение. И хотя в тексте постоянно говорится о богах, тем не менее употребление термина *хозяин* в меньшей степени подходит к его понятийному содержанию.

Вообще-то Сократ ни разу не говорил о разделении людей на разумных и неразумных применительно к смерти и жизни и никогда не говорил о том, что надо бежать от богов. Наоборот, как мы увидим дальше, речь идет о том, что Сократ уходит к новым богам. Тогда может быть речь идет именно о хозяевах и их богах?

Сочетание слов «мудрый», «хозяин», «лучше» и «выше», может натолкнуть на мысль, а не является ли это насмешкой над нынешними хозяевами, которые и обрекли Сократа на смерть? Убе-

жать и расстаться с ними и в самом деле благое дело, и совершаться оно должно с легким сердцем. Эти понятия и социальные реальности, которые они описывают, чаще всего находятся в разных смысловых и социальных плоскостях, которые слабо пересекаются, скорее, конфликтуют.

Получается, что если Сократ мудрый, то ему лучше сбежать от хозяина, поскольку между ними возник конфликт. Извечная история конфликтов между мудрым и теми, кто выше, т.е. хозяевами. Но вряд ли от этого должно быть легко на сердце хотя бы потому, что Сократ расстается с друзьями.

— Верно, — сказал Сократ, — и, по-моему, я вас понял: вы предъявляете обвинение, а я должен защищаться, точь-в-точь как в суде.

— Совершенно справедливо! — сказал Симмий.

Опять возникают аналогия с судом и тень суда, которая неотступно сопровождает весь диалог. Но в данном случае речь идет не о том суде, который судил Сократа. Наоборот Сократ при неосознанной помощи слушателей и друзей, соавторов диалога судит своих хозяев и земных богов, которые несправедливо приговоривших его к смерти. Он судит по сути дела власть и политический режим, которые убивают мудрых людей.

— Ну, хорошо, попробую оправдаться перед вами более успешно, чем перед судьями.

По всей видимости, Сократ хочет изложить сейчас то, о чем он не сказал на суде. Именно поэтому он употребляет слово *оправдаться*, однокоренное со словом *правда*. Если бы речь шла о том, чтобы отмести обвинения, изменить мнение судей, склонить их на свою сторону, опровергнуть чье-либо мнение, то тогда слово *оправдаться* вряд ли было бы использовано. Для этого есть другие слова, более точные. Если бы Сократ был осужден за настоящий проступок, то, как мудрый человек, не стал бы оправдываться³¹.

---

³¹ « - Из тетрадей?! – в ужасе прошептал Сократ.

ПЕРВЫЙ. Сократ человек. И под влиянием минуты он иногда говорит не то...как было, к примеру, недавно, после твоей болезни. В моих тетрадях все выверено. Там у Сократа нет противоречий. Там истинный Сократ, и все подтвердят его наставления и будут следовать им и славить его.

СОКРАТ. Но ты забыл, что я сказал в доме Продика. Человек меняется с быстротекущим временем! И надо проверять. И надо сомневаться! Единственное, что я знаю, - это то, что я ничего не знаю...»

ПЕРВЫЙ. Это говорит не тот Сократ, не истинный. Это говорит Сократ, принявший яд, в страхе и в отчаянии...

Наступает кульминация диалога.
Сократ продолжает.

Да, Симмий и Кебет, если бы я не думал, что отойду, во-первых, к иным богам, мудрым и добрым, а во-вторых, к умершим, которые лучше живых, тех что здесь, на Земле, я был бы неправ, спокойно встречая смерть.

Оказывается, есть еще и иные боги – мудрые и добрые. Иные, без сомнения, по сравнению с земными богами. Но боги на Земле не живут. По всей видимости, речь идет о земных хозяевах. Относительно бога можно сказать, что он мудрый и добрый, и если Сократ говорит, что земные боги не мудрые и не добрые, то это уже не боги. Они и в самом деле не боги, они хозяева, несправедливо осудившие его на смерть. Им и отказывает Сократ в мудрости и доброте. Если человек не мудр, то он должен быть хотя бы добрым, если не добр, то должен быть мудрым, и только настоящие боги и мудрые, и добрые, а с теми, кто не мудр, и не добр, не стоит жить.

Таковы афинские власти. Они не мудры, поскольку им нельзя высказать правду и отвергают справедливый миропорядок. Они и не добры, поскольку не обладают ни силой, ни бескорыстием богов. Не проявив доброты, власти продемонстрировали трусость. Они испугались мудрости Сократа³².

СОКРАТ. Ты безумен! В тебе нет любви! И у тебя страшные глаза – глаза жреца, а не философа! Я боюсь, что если завтра по Афинам начнет ходить новый Сократ, ты его убьешь именем того, прежнего Сократа! Ты сожжешь тетради! Слышишь! Поклянись мне!»

Еще не кончилась одна жизнь, а уже начинается другая, где каждый решает прежде всего свои задачи. Теперь нужен догматический Сократ, которого можно с помощью тетрадей выстроить так, чтобы он был удобен властям и только им. Поэтому Сократ, с ужасом узнав про записи и тетради, потребовал сжечь их. Но его беспокоит даже не то, что из Сократа сделают догму, а то, что его именем убьют другого Сократа, т.е. новую живую мысль. Он понимал разницу между живым Сократом, его гранитным изваянием и новым философом, почему и потребовал все сжечь.

Не в этом ли сила Сократа? Он не записывал свои мысли, что позволяло бесконечно интерпретировать его высказывания и тем самым отражать новый поворот жизни и мысли. Он оставил после себя только одно – сомневайся и исследуй, ибо жизнь быстротекущая, все меняется, в том числе и наши представления о ней.

³² «АНИТ. Сократа нужно было приговорить к смерти.

ФРАСИБУЛ. Я уже все решил, Анит. Я провел бессонную ночь и все обдумал. Я видел Сократа на войне. Тогда стояла тяжелая зима, и мы выходили на улицу, напялив на себя всю нашу одежду и обвязав ноги войлоком и овчинами. А он входил – в обычном плаще и босиком. И воины начали роптать, они решили,

Чтобы его поняли однозначно, Сократ усиливает аргументацию. Он говорит об умерших, которые без сомнения лучше живых, т.е. тех, кто здесь, на Земле.

Однако почему именно все умершие обязательно лучше живых? Да потому что они умершие и уже не могут принести зла. Почему Сократ не говорит о лучших живых? Да потому что именно живые послали его на смерть. Это решение осознанно или не осознанно, полностью или частично, прямо или косвенно было принято и одобрено практически всеми жителями Афин. Одни прямо согласились с тем, что Сократ не должен жить. Другие от имени общества осудили его на смерть, а третьи проголосовали. Остальные молчаливо согласились. Большинству, по всей видимости, было абсолютно все равно. Они ничего не знали и знать не хотели ни о Сократе, ни о его казни, ни о том, что при их молчаливом участии творится зло. И они как часть общества несут и свою долю ответственности за то, что все в этот момент стали жить хуже.

Последняя фраза Сократа расставляет необходимые акценты. Если бы он не знал, что лучшие и боги, и люди находятся в другом мире, он был бы не вправе спокойно встретить смерть. Но можно эту фразу прочитать и таким образом: он считает себя не в праве спокойно встретить смерть, если все лучшее не на Земле, а в другом мире. Его слова, что он умирает с легкостью и радостью, являются не чем иным, как аргументом, который обязательно должен вызвать возражение у слушателей и послужить поводом для диалога, размышления, которые в конечном счете, должны подвести слушателей к необходимому выводу.

Сократ продолжал.

Знайте и помните, однако же, что я надеюсь прийти к добрым людям, хотя и не могу утверждать это со всею решительностью. Но что я предстану пред богами, самыми добрыми из владык, — знайте и помните, это я утвер-

---

что он издевается над ними. Тогда один из стратегов для успокоения воинов чуть не велел казнить Сократа. Потом Сократ вернулся, и слава его гремела. В результате Аристофан осмеял его в своей комедии...Потом Сократ стал стар, и власть в Афинах захватили тираны. И главный тиран – Критий его бывший ученик, - позвал Сократа и грозился заключить его в тюрьму за то, что Сократ не хотел прислуживать тиранам...Теперь мы изгнали тиранов, и вот мы уже приговариваем к смерти Сократа...Не слишком ли много для жизни одного старца? Казни Сократа не будет.

В этом диалоге видна трусость властей. Они решили казнить Сократа, но бояться это сделать. Что-то должно случиться, может быть побег, и вообще они хотели только приговорить его к казни, а не казнить. Власть всегда труслива и эгоистична. Труслива, потому что решает свои собственные задачи за счет общества и отдельных людей, которые когда-нибудь обязательно поймут и спросят с них за их решения. Да и спрашивали уже не раз.

жду без колебаний, решительнее, чем что бы то ни было в подобном же роде! Так что никаких оснований для недовольства у меня нет, напротив, я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных.

Добрые умершие его меньше всего заботят, он только надеется их встретить в загробном мире, да и то, не очень уверен, что все они добрые. Скорее всего он к ним относится как к обыкновенным людям, которые умерли, среди которых есть и добрые, и недобрые. Он категорично заявляет, что боги в загробном мире в противоположность земным владыкам, безусловно, самые добрые. Сократ утверждает это без колебаний и решительно. Именно *самые добрые*, он использует эти слова, и они не поступят с ним так недобро и так несправедливо, как это сделали земные владыки.

Слово *владыки* в большей степени относится к земным правителям, а не к богам. То, что Сократ употребил это слово применительно к богам, говорит о том, что речь в данном случае не идет о богах. Сократ хочет высказать свое отношение именно к земным владыкам. Называя их владыками, он отказывает им в справедливости и доброте. Ибо под словом *владыка* (его синонимы – властелин, властитель, повелитель, господин, правитель) в первую очередь подразумевается обладание полной властью и оно, как правило, не связывается с понятием «бог». Бог всемогущ, но он не повелевает, а лишь определяет судьбы людей и каждого человека. При этом он обязательно добр, справедлив, умеет прощать и пр.

Необходимо разделить отношение Сократа к жизни земной и к другой, находящейся по ту сторону земной жизни, к жизни после смерти. С одной стороны, ему очень прискорбно, что и люди, и владыки на Земле так не совершенны, не мудры и не добры, поэтому он не может спокойно и с радостью уйти из жизни. Он ведь тоже часть этой земной жизни, любит ее, переживает за ее несовершенство и ему очень хочется, чтобы она была лучше. Вокруг этого и разгорается пафос дискуссии о лучшей загробной жизни. С другой стороны, Сократ надеется, хотя категорично и не уверяет, что все-таки есть лучшая жизнь, причем радостно надеется на это.

Необходимо отметить, что об умерших он говорит как о живых, («я надеюсь прийти к добрым людям»), но живущих в другом мире, поскольку смерть – это как бы переход тех же самых людей в другую жизнь. Но это не значит, что другая жизнь обязательно загробная в ее каноническом описании. У Сократа она точно такая же, как и земная, только совершеннее. Наверное, не случайно он применяет слово *будущее*, ведь будущее может быть только у людей. У умерших не может быть будущего, они вечные, опять же по канону.

То, что там лучше и люди, и владыки (боги) он не может *«утверждать это со всею решительностью»*, поскольку там не жил. Об этом свидетельствуют только *«старинные предания»*. Интересно, почему старинные предания? Почему то, что передается из поколения в поколение из далекой, может быть очень далекой древности становится аргументом, не подлежащим сомнению? Возможно, потому, что из поколения в поколение люди думали, мечтали о совершенной жизни, искали ее и нашли в загробном мире. Но последнее – только один из вариантов таких поисков. Совершенную жизнь находили и на Земле, на другом конце света и в иных местах. Потом уже эти поиски приписали священному писанию.

Но дело не в загробной жизни как таковой, речь идет о другой жизни. Ее никто никогда не видел, но она обязательно должна существовать и именно здесь, на Земле. Вот о чем по существу идет речь. Если бы загробная жизнь и в самом деле существовала да еще и совершенная, то не было бы никакого пафоса: ну есть и есть, как соседнее государство, взял и ушел туда. Однако дело в том, что речь идет не о загробной жизни, а о земной, но совершенной, которая обязательно должна быть. Именно ради этого Сократ и пошел на смерть.

Смотрите, он говорил, наш мир не совершенен, но он может быть лучше, и показывал, как это сделать. Люди его не поняли, не смогли понять в силу своего несовершенства. И тогда он пошел на смерть, чтобы его слышали: лучший мир не только может, но и должен быть. Эту мысль Сократ постоянно проводит в своем диалоге со слушателями, а точнее в монологе.

Отметим, что в данном фрагменте, он не говорит, что умрет с удовольствием. Он только утверждает, что, возможно, есть лучший мир, и, естественно, *«никаких оснований для недовольства у меня нет»*. Он может по этому поводу только радоваться и надеяться.

— И что же, Сократ? — спросил Симмий. — Ты намерен унести эти мысли с собою или, может быть, поделишься с нами? Мне, по крайней мере, думается, что и мы вправе получить долю в этом благе. А вдобавок, если ты убедишь нас во всем, о чем станешь говорить, вот тебе и оправдательная речь.

Вообще-то Сократ не намерен уносить эти мысли с собой и вроде бы все сказал. Но Платон предлагает продолжить разговор.

В самом деле, Сократ только высказал мысль, но по сути не доказал. Благо для философа заключается не в декларации, а в том чтобы доказать свою мысль, свою идею. Этим и занимался всю жизнь Сократ. Это и не нравилось владыкам, правителям. Поэтому его судили и осудили на смерть. Доказательство – это поиск истины, той истины, которая адекватна действительности, т.е. так, как

должно быть и так, как она отвечает требованиям мудрости и доброты.

Вот о каком благе печется Симмий и все остальные слушатели, в том числе и молодежь. С ними в первую очередь Сократ занимался поисками истины и не всегда приходил к тем выводам, которые нравились бы владыкам, правителям, например, мысль о том, что есть лучшие боги.

Такова его лучшая оправдательная речь, но не перед судьями, а перед учениками, которые верят только логике доказательства. Суд лишь выполняет выполнил волю правителей. Так было раньше, так остается и в настоящее время³³.

— Ладно, попытаюсь, — промолвил Сократ. — Но сперва давайте послушаем, что скажет наш Критон: он, по-моему, уже давно хочет что-то сказать.

— Только одно, Сократ, — отвечал Критон. — Прислужник, который даст тебе яду, уже много раз просил предупредить тебя, чтобы ты разговаривал как можно меньше: оживленный разговор, дескать, горячит, а всего, что горячит, следует избегать — оно мешает действию яда. Кто этого правила не соблюдает, тому иной раз приходится пить отраву дважды и даже трижды.

А Сократ ему:

— Да пусть его! Скажи только, чтобы делал свое дело, — пусть даст мне яду два или даже три раза, если понадобится.

— Я так и знал, — сказал Критон, — да он давно уже мне докучает.

— Пусть его, — повторил Сократ.

---

³³ «ТЮРЕМЩИК. К вам пришла...

СОКРАТ. Не пускай ее!

ТЮРЕМЩИК. Как прикажете.

Сократ неподвижно лежит на ложе.

- Правду говорят, что вы самый большой мудрец?

Сократ не отвечает.

- Я почему спрашиваю? Я не верю слухам. Например, обо мне говорят, что я самый большой дурак. Тогда что же выходит: самой большой мудрец сидит в тюрьме, а самый большой дурак его стережет. Ан не так!.. Вы славный старичок, я вам кое-что открою... - Он зашептал: - Я совсем не дурак, я только притворяюсь. Потому, что с дурака взятки гладки и никакого спроса. И никто его не боится, и все над ним смеются, а значит любят. И так я всю жизнь прожил, и хорошо. Хоть читать и писать не умею, а состою на государственной службе и получаю два обола. Достиг!.. Главное не выдавать никому, что ты умный. А в душе будь хоть мудрецом, это твое дело. Я, сам знаешь, какой умный в душе! Когда я одному приговоренному здесь все это рассказал, он даже заплакал, «Эх, говорит, жаль, что ты мне раньше не встретился! Жил бы я по другому...» И все имущество мне завещал... Плохо, что у вас нет имущества».

Конечно, тюремщик не дурак, если он живет в этом мире и даже хорошо живет. Он все понимает, но молчит, притворяется, что не понимает. Властей это тоже устраивает, и все делают вид, что все нормально. Высшая мудрость — молчать, что понимаешь то, что власть не мудра, а просто глупа. Так делают все умные люди, если хотят получать от властей два «обола». А жизнь идет своим чередом. Мудрость Сократа заключается в том, что он постоянно говорил людям, чтобы они не прятали голову в песок, смотрели внимательно за жизнью, исследовали ее и вовремя отказывались от тех богов, которые со временем становятся идолами.

Образ тюремного прислужника интересен тем, что показывает другую сторону бытия. Тюремщик не знает и не хочет знать, что совершается на его глазах и что он совершает сам. Может быть об этих неразумных людях и говорил Сократ? Тюремщика интересует только четкое выполнение своих обязанностей. Ему не важно, о чем беседует Сократ со своими учениками, для него важно лишь то, чтобы он как можно меньше говорил — оживленный разговор только мешает действию яда. Поэтому тюремный прислужник так настойчиво требует (именно требует) от Сократа, чтобы он не разговаривал, а если и говорил, то не так горячо.

Далее этих требований прислужник не мыслит и даже не пытается этого делать в отличие от Сократа и вообще от философов или мудрых людей, которые только и делают, что все ставят под сомнение.

Критон долго не прерывал беседу, чтобы высказать пожелание прислужника. Он понимал важность происходящих событий и неважность требования прислужника. Тем самым осознанно или нет Критон ставил под сомнение обязательность выполнения требования прислужника как представителя власти. В этом эпизоде, проявилась дистанция, разделяющая два мира: и тот, и другой являются составной частью общего мира, но взаимодействие их в силу несовершенства людей оказывается чаще всего конфликтным. Переделать этих людей уже нельзя. Возможно поэтому Сократ «развращал» именно молодежь.

Сократ все хорошо понимает и говорит: «Пусть его». Пускай прислужник делает свое дело, а Сократ будет делать свое. То, что и тому, и другому положено сделать, они сделают, но только в разное время, каждый в свое. И Сократ еще раз повторяет:

«Пусть его»³⁴.

---

³⁴ «Сократ умирает.

ПЕРВЫЙ. Сократ...Сократ.

Он покрывает поцелуями лицо Сократа.

- Пеплос на лицо...

Он закрывает лицо Сократа. И беззвучно рыдает.

- Один я...

Входит Тюремщик. Осматривает тело Сократа, шепчет удовлетворительно:

- Все.

Продик величаво обращается к первому ученику:

- Я был лучшим другом его детства. Ты был лучшим другом его старости...

Расскажи о его кончине.

ПЕРВЫЙ. Он принял смерть, как подобает великому философу легко и радостно, как выздоровление. Его последними словами были: «Петуха – богу Асклепию».

ПРОДИК. Величавая смерть... Величавая жизнь.

ПЕРВЫЙ Он завещал создать великую книгу жизни из истин, открытых им для нас. Мы назовем ее « Похвала Сократу»».

Живой Сократ никому не был нужен, мертвый стал нужен всем.

*«О непреклонная судьба
И могучая участь!
Мы приходим в мир, сжавши руки в кулак,
Будто хотим сказать – все мое!
Мы уходим из мира с открытыми ладонями:
Ничего я не взял,
Ничего мне не нужно!
Весь я ваш боги!»*